

**АЛЕКСАНДР
ВОРОНЕЦКИЙ**

**НИКОГДА
НЕ БРОСАЙ
НАЧАТОЕ**

Александр Воронецкий
Никогда не бросай начатое

«Aegitas»

Воронецкий А.

Никогда не бросай начатое / А. Воронецкий — «Aegitas»,

В партии нужно срочно оценить участок, на котором в пробе оказалось повышенное содержание золота. Но как просто пройти маршрут, набрать образцов и их посмотреть. И как трудно сделать вывод: что ожидать от участка, если здесь руда, а если есть, то какая и сколько. Каждый в сомнениях, но дело делает, набирает доказательств собственного варианта. А недалеко от партии и поселка горняков, при аварии с инкассаторской машиной, исчезает зарплата рабочих целого поселка. Причем аварии подстроенной, что невозможно, если преступники не были предупреждены о намеченной перевозке денег. Юра, старший из геологов, со своим другом механиком Евдокимом, включаются в поиски преступников и похищенных денег. Поначалу есть и результаты: найден схрон, с закопанной одеждой бандитов. Но через пару дней двое из них погибают, в перестрелках с солдатами блокпоста, и остается в живых один, который с мотоциклом, и кого никто не видел. А как наши герои выходили на похищенные деньги, какие при этом были приключения, и кто оказался главарем банды – это в книге.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	12
Часть третья	15
Часть четвертая	18
Часть пятая	21
Часть шестая	23
Часть седьмая	28
Часть восьмая	32
Часть девятая	37
Часть десятая	41
Часть одиннадцатая	47
Часть двенадцатая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Воронецкий Александр Васильевич

Никогда не бросай начатое

Часть первая

На вопрос знакомых о профессии, я по молодости гордо выставял грудь вперед: «Геолог!»

Реагировали по разному. Одни восхищались – романтик! Не от мира сего! Другие с сомнением качали головами – тяжелая работа, не для них точно. Этих я понимал, в душе с ними соглашался. Удивляли другие, кто презрительно усмехался: нашел чем гордиться – по горам бегать, на жизнь ногами зарабатывать!

Чушь полная! Через десять метров мне нужно нагнуться, отколоть образец, сравнить с уже просмотренными – не дай бог пропустить породу новую; отметить наблюдаемые изменения, разглядеть какими процессами и имеют ли они отношение к руде; оценить значимость встреченных разломов и т.д. и т.п..

Так что бегать не получается, приходится ползать, причем хаотично, как молекула в броуновском движении. И по прямой от первой точки наблюдения до последней за день набирается 3-4 км., и 200-300 приседаний. Плюс в голове постоянное присутствие видений геофизических карт – магнитки, радиометрии, гравики, иногда сейсмики и электроразведки. Представляете, какой в ней компот, с учетом текущих наблюдений? Получается, что и кормят не ноги, а голова.

Если она со всем справляется, лет через десяток можно выйти на значимый объект, возможное месторождение. Не в одиночку конечно, а в составе поисковой группы. А сколько год за годом надежд и ожиданий этого объекта, сколько адреналина! Неудивительно, что появляются причуды, можно сказать мистического характера.

Слышали о древних рудознатцах? Это когда человек с вербовым прутиком в руках определяет места с рудой, водой, может и еще с чем то. Сейчас прутик отошел, пользуются определенным образом согнутой проволокой – «рамкой», с надеждой, что кто-то свыше в нужном месте заставит ее крутануться. Сколько раз и меня соблазняли! Сколько раз водили по проверенным местам, где у коллег по профессии эти «изделия» необъяснимо отклонялись из определяемого силой тяжести положения! Более того – однажды видел геофизическую карту с оцифрованными изолиниями «биоприема»! То-есть, одаренные запредельно научились и усилие измерять, с каким конструкция из проволоки на их руки действовала!

У меня же не получалось ничего. Меняли рамки железные на медные, алюминиевые, однажды даже на серебряную – бесполезно, в моих руках они подчинялись только законам физики и выходить из состояния покоя не пытались. То-есть, загадочная энергия, способная над столь же загадочным объектом под ногами вступить с ним во взаимодействие, и как следствие придать «прибору» импульс движения, в моем теле отсутствовала полностью.

Получалось, что никакой связи с неведомыми космическими силами у меня нет, а стало быть и никакой от них подпитки. Осознание ущербности в этом вопросе меня огорчило, из-за специфики профессии экспериментаторов – все геологи, следовательно, как никто другой верим в фарт, предвидения и предчувствия. И конечно убеждены, что даже при хороших знаниях и отлично работающей голове, без этих составляющих найти и захудалое месторождение невозможно, не говоря о действительно ценном объекте.

Однако должность старшего геолога, которую я получил точно не за красивые глаза, свидетельствовала, что с делами геологическими у меня как раз все в порядке: группой выявлено несколько рудных проявлений, парочка из которых после разведочных работ превратились в

объекты добычи драгоценного металла. То-есть, фарт, предчувствие и предвидение в группе имели место, а следовательно, один из нашей троицы (меня и двух моих главных помощников) без связи с космосом не обходился.

Подумав, я решил, что им мог быть только Владимир, мой негласный заместитель и главный заводила не только в группе, но и во всей геологической службе. Он то точно нуждался в подпитке энергией любой, в том числе и из космоса, и последнюю получал, после чего часть трансформировал в понятную энергию земную, заставляющую его постоянно вступать в дела свои и чужие, в разговоры нужные и ненужные, принимать участие во всех общественных мероприятиях как признанный организатор и непревзойденный тамада, и вообще быть во всем и всегда первым. У него и рамка отклонялась запредельно, а попытки заметить признаки шарлатанства успеха не имели.

Приняв как должное, что носитель фарта, предчувствия и предвидения в группе нашелся, я успокоился. Однако в силу своего мерзкого характера – обожал всякие-разные приколы – приятеля и коллегу пытался при каждом удобном случае спровоцировать, интересуясь его мнением о развитии отдельных событий, либо нахально спрашивая, предчувствует ли он появление в ближайшем будущем чего-то никем в партии не ожидаемого.

Владимир «дурацкие» вопросы – по другому их и не назовешь – правильно определял как с моей стороны очередные приколы в его сторону, нисколько на них не обижался и отвечал столь же прикольно, то-есть, норовил внести во все долю юмора. Вначале он принимал сосредоточенный вид, задирал вверх голову в сторону солнца и закрывал глаза – устанавливал связь с космосом, затем с минуту (и хватало же выдержки!) выдерживал паузу. После чего с серьезным видом вещал, что ему предчувствуется или предвидится. Часто он угадывал, как событие будет развиваться, и мне приходилось с ним соглашаться – когда эти его космические «подсказки» не противоречили и моему мнению по данному вопросу, исходящему из оценки имеющихся «земных» фактов. Ну для примера. Прошло пол сезона полевых работ, а у нас ничего интересного, что можно было бы, пусть и с натяжкой, представить как успех. Правда, и приличных ореолов золота не встретилось, и вроде как мы непричем, но начальство в такие тонкости не вникало исходя из принципа: при любых обстоятельствах каждый год партия обязана выявлять по рудопроявлению. У нас же пока им не пахло, но впереди появилась площадка, на которой в отобранных прошлым летом пробах содержание золота достигало десятка миллиграмм, а в одной – пол грамма. Правда, мы, то-есть геологи, к этой площадке только подбирались, но пол грамма золота говорили, что придется заняться по серьезному. Вот я у Владимира и поинтересовался, чем дело кончится. Он конечно принял необходимую для общения с космосом позу, и после минуты контакта, на полном серьезе озвучил отнюдь не обнадеживающую подсказку свыше:

«Можно не напрягаться, нет ничего серьезного, даже рудопроявления!»

И я не огорчился: ну не будет в этом году, ну втык получим. Только не так и давно нашей группой уже выявлен объект, который тянет на месторождение и сейчас разведывается подземными горными выработками. А такое событие по статистике случается раз в десять-пятнадцать лет. Следовательно, нам нужно хорошо и долго повкалывать, пока появится еще что-то действительно ценное.

Этот вопрос я задавал Владимиру несколько дней назад, а сейчас вырисовывался другой, тоже неопределенный. Дело в том, что партию собралось посетить из города руководство нашего объединения в лице начальника, главного инженера и неизвестного нам деятеля из какого-то химического института. То-есть, приезжали лица, к геологии отношения имеющие главным образом в плане субсидирования работ и их технического обеспечения, и это вызывало нервозность у всех, в том числе и у геологов: зачем высокая комиссия в благополучную партию, в которой один объект в настоящее время разведывается?

В подходящий момент, когда вернулись с поля и в нашей комнате в камералке никого не оказалось кроме меня, Владимира и Паши (это мой второй геолог), я и задал нашему экстрасенсу вопрос: что он думает о намеченном визите.

Владимир подошел к окну, где солнце попадало в поле зрения, и осуществил обычную манипуляцию контакта с космосом, которую я и Паша постарались не нарушить словами или движением – очень было интересно, что ему нашепчут. Нашептали не ожидаемое:

«Денег много поймеешь,» – «обрадовал» меня с ехидной улыбочкой, – «наверное, премию дадут, за наш объект, который сейчас разведывается!» – это от него была точно отсебятина, раз началась со слова «наверное».

«Значит, и нам перепадет малость!» – с оптимизмом озвучил Паша свою надежду. На что экстрасенс с серьезным видом персонально для него уточнил:

«Не мечтай, нам с тобой шиш с маслом, а не деньги! Шефу (это мне) счастье светит, и никому больше!» – осмотрел меня с ног до головы, – «Вот так всегда: как вкалывать – все вместе, а как денежки – так врозь!»

«Не болтай чепуху,» – посоветовал предсказателю, – «премию если и дадут, то всему геологическому цеху. Уж нас всех не обойдут точно!»

«Ты попросил – я свое видение выложил. Один денги поймеешь!» – и хитренько глянул на Пашу, который опустил голову и прискорбно вздохнул, приняв откровения приятеля за чистую монету. Я конечно улыбнулся, считая бодягу насчет денег ответным приколом Владимира, но для душевного спокойствия впечатлительного Паши пообещал премией с ребятами поделиться во всех случаях. И мы разговор закончили, а через пару минут разбежались по домам.

О предсказании экстрасенса я и забыл, как только открыл калитку в огород возле дома – за ней улыбаясь чуть ли не по человечески, радостно крутил остатком купированного хвоста мой преданный друг и общий любимец семьи.

«Дождался наконец?» – обрадовал Чапу даже такими словами, и он по установленному ритуалу побежал впереди меня к крыльцу, зная что уже на нем обязательно пройдет более тесный обмен любезностями.

Через минуту мы сидели рядышком на одной ступеньке, я трепал лохматика за морду, почесывал за ушами, а он то лизал мне лицо, то прятал мордашку под руку, и радостно повизгивал. Потом вместе посетили душ, окунулись в семейном микробассейне. Дальше до ночи он не отходил от меня ни на шаг.

Прошло не так много дней, и предсказание экстрасенса сбылось в деталях: я держал в руках сумку, полную купюр различного достоинства в пачках банковской упаковки. Правда, сумка мне не принадлежала, но все равно – как после этого не поверить в потусторонние силы?

Насчет денег я не поверил, но призадумался о другом: визит больших начальников заставлял и геологов предусмотреть все, что бы не дай бог их не огорчить, убедить в успешности проводимых полевых работ. А у меня в группе пока ничего нет, кроме пробы с пол граммами золота. И получалось, что прямо сейчас нужно начать с этой пробой разбираться – сляпать хоть какую геологическую схему. А что дело не терпит отсрочки и с начальством лучше не шутить, интеллигентно напомнил и главный геолог партии Игорь Георгиевич:

«Не забыл, как с Московским гостем разговаривал, и что он мне приказал?» – это о не так и давнем инциденте, случившемся в городе, на защите перед министерской комиссией планируемых партией объемов геологических работ.

«Такое буду всю жизнь помнить!» – расплылся я в улыбке, потому что инцидент касался меня и показал не характер, а порядок мышления чинуши большого ранга. Не знаю с какого перепуга, но взбрело тому в голову выслушать не начальника партии и главного геолога, а меня, непосредственно руководившего работами на перспективном рудопроявлении. То-есть,

попал я под руку, но толково объяснил как и какими объемами будем изучать выявленный объект. И все было хорошо, пока под занавес этот начальник меня не огорошил удивительным предложением:

«Дай слово, что доведешь до месторождения!» – и удостоил взгляда, не оставлявшего сомнения, что я должен тут же поклясться именем матери и месторождение родить, если его нет и я даже не могу этого сделать по причине определенной половой принадлежности.

«Ручаться за месторождение не могу, но до реального объекта, каким окажется, доведу точно!» – а как по другому я мог ответить, не имея для этого никаких данных?

«Все!» – большой начальник повернулся к Игорю Георгиевичу, – «Сегодня чтобы понизил этого парня до простого геолога!» – ткнул пальцем в мою сторону, – «Он не верит в месторождение, значит и не найдет его никогда!»

Я непроизвольно начал расплываться в улыбке – работы мне поубавится! Но увидел, как Павел Петрович, начальник партии, из-за спины чинуши делает знаки, что бы я заткнулся и не вздумал ляпнуть еще что-то непотребное, пока продолжается развиваться тема моей полной профнепригодности.

Конечно, дело пустым трепом и осталось, никто меня в должности не понизил и понижать не собирался. Но с недельку геологи посмеялись, а меня с тех пор при подобных гово-
рильнях Игорь Георгиевич предпочитал держать подальше, потому что в отдельных случаях объективное мнение кое до кого лучше не доводить.

Так вот главный геолог напомнил, что дело не терпит отсрочки, а потому на следующее утро наша троица катила в никому не знакомое место, для совместного маршрута, что бы определить как и что там выделять, как это выделенное называть и как отображать на индивидуальных планшетах. Иначе говоря, в разведку, без которой нормальную работу начинать нельзя.

После долгого бездорожья наконец то добрались. Вылезли из машины, осмотрелись. Ничего приятного, с геологической точки зрения, на первый взгляд не замечалось – ни полосы кустарника или зеленой травы, что говорило бы о существовании очень нужного разлома, ни выходов разноокрашенных пород, обычных в местах со сложным геологическим строением, ни надежных естественных обнажений. Лощинка, до двести метров шириной, между двумя удивительно ровными и протяженными гребнями пород черного цвета, разглядеть за которыми что-либо уже не получалось. Гребни, свободные от растительности, блестели под солнцем, на заросшем же пожухлой травой пространстве между ними не на чем было остановить взгляд.

«Мрачное место,» – хмуро оценил энергоноситель, не удосужившись согнуться и поднять с земли кусочик породы для осмотра, – «даже саксаул не растет, в обед посидеть в тени негде!»

Паша проявил заинтересованность – поковырял молотком под ногами:

«Делювий, до коренных без БКМа и канав не доберешься,» – заметил с удовольствием, будучи большим любителем ковыряться в этих самых канавах и дудках. Причем обычно дольше, чем требовалось для дела.

«Быстрее начнем – быстрее кончим!» – Владимиру уже надоело обозревать окрестности, – «А делать здесь нечего, только время зря теряем!» – успел и перспективы оценить!

Я молча глянул на пессимиста, с легкой усмешкой: мол, помню его космическую под-
сказку, что даже рудопроявления не будет, стало быть и напрягаться не стоит. Но не поддер-
жал его словом, дабы впечатлительного Пашу, уже проявившему какую-никакую заинтересо-
ванность, лишний раз не охлаждать, не отвлекать от дела заведомо отрицательным прогнозом.

«За мной давайте,» – предложил ребятам, и пошагал к ближайшему краю лощины, к блестящим под солнцем единственным в пределах видимости скальным выходам коренных пород.

Для начала взобрались на верх гребня – оглядеться пошире. Вдруг за ним коренных побольше? Тогда можно их разделить на отдельные тела и горизонты, проследить до нашей

лощинки и хотя бы примерно наметить, где они могут оказаться в ее пределах – так мы всегда поступаем в подобных случаях, жизнь себе облегчая.

Надежда не оправдалась – за гребнем наблюдалась та же ровнятина, что и в лощинке, с еле заметным уклоном в нашу сторону. И по ней от опасных гостей со всех ног летело стадо сайги голов в десять. Уже хорошо – успел подумать, пока Паша прицеливался из молотка, – золота если и нет, то живность водится.

«Пух!» – выстрелил коллега из рабочего инструмента геолога, и повернулся ко мне, как к носителю пагубной страсти к охоте, – «Видишь, шашлык убегает?»

«Упал один,» – подыграл приятелю, на что другой, законченный, как сейчас говорят – гринписовец –нелюбезно заметил:

« Вы в сайге только шашлык и видите! Бедные животные!» – продемонстрировал свою двойственную натуру, потому что шашлык в любых компаниях вниманием не обделял, и даже участвовал в приготовлении.

А я улыбнулся, получив удовольствие от незапланированной встречи с местными бегунами, и запомнил направление, в котором они предпочли от нас смыться – на случай, если надумаю вернуться сюда с ружьем. Теперь можно приступить к делу:

«Посмотрели – и хватит, пора камни колотить!»

При внимательном изучении они оказались породами основного состава, слагающими протяженное линейное тело мощностью до десятка метров. То-есть прослеживалось то, что мы называем дайкой. Двигаясь вдоль нее и работая молотками, определили вмещающие породы – с обеих сторон разнотекстурные зеленые песчаники, без следов изменения.

Коллеги немного размялись, молотками стучали оба, но наблюдаемое оптимизма ни у Паши, ни у меня не вызывало – золота здесь не было точно, как Владимир и предсказал, а сейчас это предсказание постоянно подтверждал хмыканьем и ехидными улыбочками.

Найдя на планшете место отбора пробы с содержанием золота пол грамма – где то в середине лощинки – повел ребят туда. Теперь под ногами были наносы с почвенно-растительным слоем, и редкой щебенкой тех же основных пород, зеленых песчаников без радующих глаз пятен ожелезнения, осветления, ноздреватых текстур и других признаков возможного рудного процесса. Ситуацию, не противоречающую его предсказанию, Владимир не пропустил, и тут же прокомментировал:

«Мура все, золотом и не пахнет!» – обернулся к Паше, с надеждой на поддержку, – «А ты что думаешь?»

Мог и не спрашивать! Паша у нас не такой скорый на выводы, ему сказано «давай» – он и будет «давать» до победного конца, то –есть до тех пор, пока вверенная ему площадь не будет исхожена, простукана молотком, запредельно вскрыта канавами и дудками БКМ. И только после этого может и скажет, что золота наверное нет, но что одну скважину заверочную пробурить не помешает, на всякий случай. Вот такой он, наш работяга, и с моей стороны, как руководителя, главная задача – его вовремя остановить, не допустив превращение изучаемой территории в непригодное для любой жизнедеятельности пространство, по которому «Мамай прошел», а выводы насчет золота –есть оно или нет – сделать самому. Понятно, что на вопрос коллеги Паша пожал плечами и не ответил из-за отсутствия собственного мнения. Владимир вздохнул с нескрываемой досадой – другого и не ожидал, – и как я понял, намеревался переключить избыток энергии на меня:

«Ну с Пашей понятно – он думает так быстро, как черепаха ползает,» – начал вступление к приготовленному мне вопросу, на что наш трудяга неожиданно бодро отреагировал: «Зато у тебя они порхают, как воробьи на куче дерьма!»

Я оторвался от планшета, на котором выискивал место нашего стояния, удивившись невиданной словоохотливости признанного молчуна, и заметил мимолетом, что Владимир от него отвернулся, озадаченный услышанным. Конечно не сомневался, что не более, чем через

пол минуты, вопрос Владимира будет мне все равно адресован, а поэтому малый резерв времени постарался использовать с толком: через пятнадцать секунд мы стояли на месте отбора пробы, содержание золота в которой оказалось пол грамма на тонну породы.

Геологическая ситуация под ногами немного изменилась: почвенно-растительный слой, скрывающий коренные, стал помощней, возможно до метра, а наблюдаемая в нем щебенка более разнообразна – обломки как уже знакомых нам пород, так и других, трудно диагностируемых и принесенных неведь откуда. Непонятно какая щебенка – местная или принесенная – содержала золото в отобранной пробе, но – это было приятно – некоторые обломки местных песчаников, имели бурый цвет, включали прожилки серого кварца и пустоты выщелачивания. То-есть, несли признаки гидротермального процесса, частью которого могла оказаться и рудообразующим.

Не знаю как Паша – тот прокрутить в голове очевидные нюансы местной геологии так быстро мог и не успеть, – а Владимир все понял в момент. Однако предпочел разговор не начинать и топтался рядом, ковыряя молотком под ногами. Пришлось коллег окликнуть и махнуть рукой, приглашая сойтись, обсудить увиденное и сделать выводы. Ну как всегда делается. Собрались, и я ждал, когда же Владимир, самый из нас нетерпеливый, разговор начнет, однако он не проявлял обычного рвения и не торопился донести до нас мысли по увиденному. Пришлось обратиться к Паше:

«Выкладывай, что думаешь – тебе как самому молодому, с космосом связи не имеющему, первое слово.»

Владимир хмыкнул, услышав намек на космос, а Паша встрепенулся, как это делал, когда ему приказывали, и без особой уверенности доложил:

«Тут это, наносов много, ничего не видно. Канаву надо пройти.» – и замолчал, так ничего конкретного не предложив.

«Тебя не о канаве спрашивают, а о руде – может она здесь быть, или не может!» – теперь и Владимир надавил на коллегу, наверное надеясь, что тот ничего нового под ногами не заметил.

Паша потоптался, глядя в землю и изображая на лице непонятные гримасы, но поняв, что ответа от него мы ждем, выдал совсем удивительное:

«А чего говорить, он же,» – кивнул на Владимира, – «предсказал, что здесь ничего не будет!»

У меня глаза на лоб полезли – неужели поверил в приколы с потусторонними силами? Не знал, что и ответить, слава богу, Владимир не смог допустить в свой адрес «оскорбительную неточность» :

«Не ври,» – удивил и меня, и Пашу, – «я сказал, что рудопроявления не будет, а простое проявление золота, с непромышленным содержанием, может быть где угодно!»

Теперь я понял, что экстрасенс наш, хорошо оглядевшись, не пропустил признаки гидротермального процесса в щебенке под ногами, и утверждать, что ничего здесь быть не должно, уже не решается. То-есть, может что и будет, но так, ерунда никому ненужная. Но мы, как геологи, не можем пропустить «ерунду», а потому мне оставалось подтвердить очевидное:

«Часть щебенки изменена, в пробе золота пол грамма – значит побегать нам придется, поискать, откуда все это появилось. Канаву пройти обязательно, но на ней не заикливаться, пошире посмотреть»

Владимир тут же определился:

«Вот я и буду пошире бегать, а Паша пусть здесь ковыряется, он же без канав никак!» Так нашел для себя выход, желая держаться подальше от места, где по его предсказанию «нет ничего», что бы не дай бог своими руками и головой это предсказание не опровергнуть.

Вернувшись с поля и закончив в камералке дела, то-есть разобрав привезенные образцы пород, коллективно просмотрев их и наметив, какие оставить для коллекции по участку, а какие отправить на свалку, обговорив кто чем будет заниматься завтра, я из комнаты вышел

и направился в кабинет к главному геологу Игорю Георгиевичу. Хотел спросить, для чего мы удостоились чести посещения большими начальниками, когда по всей стране «перестройка» и сплошные непонятки, а магазины стоят почти пустые. Не дай бог нам хотят объемы работ урезать, то-есть, часть денежки забрать в другое место, в том числе и положенную на зарплату.

Хозяин кабинета махнул рукой – входи и садись. Сам он просматривал геологические карты по одному из старых участков, где давным-давно оценивался небольшой объект, в итоге оказавшийся рудопроявлением и даже плохоньким, потому что содержания золота выше двух грамм на тонну даже в лучших пробах не было, да и самого его кот наплакал. Меня бумаги на столе заинтересовали:

«Кому участок понадобился? Неужели старатели глаз положили?»

«Не угадал,» – вздохнул с сожалением, – «старателям здесь работать – себе в убыток. А наше начальство почему-то заинтересовалось. Получил распоряжение приготовить материалы. Для чего – не знаю. Думаю, какой-то хотят эксперимент поставить».

Хорошо, что денежки у партии не заберут – это я понял в момент и с удовольствием. А насчет эксперимента подходящих мыслей не появилось. Ну и какой? Новую технику для разведки или добычи испытать? Я такой вопрос шефу задал, и он подтвердил, что о подобном подумал.. Но все только предположения. Ясности никакой. Пришлось тему изменить – я рассказал о сегодняшнем совместном маршруте, о слабеньких признаках гидротермального процесса на локальном пятачке выделенной площади, а также о том, что обольщаться и надеяться на что-то масштабное не стоит.

«Что есть – то есть,» – главный геолог не очень и расстроился, помня о разведуемом партией объекте, – «но если начальству придется докладывать – ты уж постарайся без мрачных прогнозов. Нечего раньше времени людей расстраивать.»

И на этом мы разговор закончили, я побежал домой обрадовать Чапуху возвращением и привести себя после поля в божеский вид. После чего сгонять на «копейке» в пивбар Мирного до пяти часов, когда там начинается столпотворение в связи с окончанием рабочего дня местных горняков, и отсутствием в магазинах в достаточном количестве расслабляющих напитков, а иногда и их полной временной аннигиляции.

Теперь о Мирном: – это поселок золотодобытчиков, от нас в пяти километрах, в котором есть все, включая спортивный комплекс, отличную больницу, школу, пивбар и несколько магазинов. Только в последних раньше можно было купить все, а сейчас уже кое-что, ввиду непонятно откуда возникших сложностей в государственной экономике.

Отовариться пивом успел во-время, когда запредельной очереди еще не образовалось. Чапа от моих ног ни на сантиметр, посторонним позволял себя гладить и вообще вел по джельгельменски. Но это здесь и сейчас, пока никто на меня не кричал – такого человека он враз относил к моим обидчикам, и не смотря на размер (малый пудель), отважно кидался на защиту. На что как правило мужики рядом смеялись, а «обидчик» на всякий случай от меня отодвигался: вдруг хватит по настоящему?

В пять часов Чапа возле калитки встретил своих друзей – Владимира и Пашу, проводил их до крыльца, на котором уже стояли стаканы, банка пива и тарелка с нарезанной соленой рыбкой. Поговорили, выпили за начало работы на новом месте, Паша предложил тост и за удачу, но Владимир фыркнул как на невозможное, и каждый выпил за что хотел. Я – что бы ребята в выходные не ругались и настроение себе в мое отсутствие не портили – я то рядом не буду, дело нашлось в степи, требующее быстрого решения.

Часть вторая

Вообще-то дел нашлось больше, целых два. И если одно во всех отношениях богоугодное, то про второе сказать такое не могу – из-за определенных моментов в плане соблюдения законности. Хотя считал, что эту законность как раз и собираюсь восстановить.

Рано утром привязал к Минску лопату и небольшой ломик, и приказав Чапе следить за домом, покатил в степь, где в сорока километрах от партии существовал небольшой родничек, из которого попить дикой животине в данный момент было невозможно.

А теперь, пока я добираюсь до нужного места, можно немного пофилософствовать. Насчет браконьеров.

Геологи конечно браконьеры, этого не отнимешь. Только интересно найти человека, который в отряде, за сто-двести километров от ближайшего магазина, согласится питаться сухарями, тушенкой и другими консервированными продуктами. Через месяц любого тошнить начнет при их виде! Да что отряд – сейчас и в Мирном (не говоря о партии) мясо купить невозможно, не доходит оно до простых смертных! А вокруг гуляет дикая животина, которую государство отстреливает десятками тысяч, для улады гурманов за рубежом, и ни одного человека в радиусе не меньше полсотни километров. Вот и приходится сами понимаете что делать, только всегда в меру, исключительно для пропитания.

Но не геологи главные уничтожители. Судите сами: в степи вода – на вес золота, а ее стараются от диких животных оградить, ставя на родники чаще всего бетонные кольца, или что еще хуже – делая бетонную заливку в опалубке вокруг воды высотой около метра. И все, сайге, архару, большинству пернаты в радиусе километров двадцать делать нечего – нет воды, нет и жизни.

Ну и кто главный браконьер? Не хочу даже и подсказывать. Но и не мирюсь с таким положением дел, и каждый год трачу несколько дней, специально навещая такие обетоненные родники и если хватает сил, чертовы кольца с воды сдергиваю всеми возможными способами, при этом постоянно возмущаясь и не понимая для чего они ставятся – чабанов-то с отарми возле них никогда не вижу.

Как правило, после моих незаконных действий тут же начинает ходить сайга попить водички – за ней внутрь кольца она никогда не полезет. А я, видя теперь ее следы, всегда удивляюсь, чем же занимается охотинспекция, и почему никогда – подчеркиваю – никогда не замечалась в подобной моей абсолютно необходимой для выживания и размножения животных деятельности.

Родник на месте, кольцо на воде стоит, и вода из под него ручейком не вытекает. Рядом никаких следов, ни диких животных, ни человека. На моей памяти чабаны здесь никогда не останавливались по причине простой: воды из родника не хватит и небольшую отару напоить, мало ее – согласно топографической карты, приток меньше десяти литров в час.

Огляделся, приготовил инструмент, и с большим трудом, загнав конец лома под углубленное в суглинок со щебенкой кольцо, немного его приподнял и сдвинул в сторону. Уфф!! Дальше пошло полегче – на уровне поверхности ломом работать сподручнее, и за несколько приемов кольцо с воды сдвинул полностью. Передохнул, поднес к нему несколько камней разного размера, и поднимая ломом одну сторону кольца, в появившуюся щель между ним и землей ногой затолкал вначале небольшой камень, затем чуть больше, потом уже приличный, наконец еще усилие – и кольцо полетело на бок. Осталось откатить его на десять метров, на большее не хватало сил – во все стороны от родника начинался хоть и пологий, но подъемчик.

Немного поработал лопатой – сгладил спуск к воде, от поверхности с пол метра, поплескал водички на лицо, сполоснул руки. И начал рабочий инструмент привязывать к технике –

впереди в почти десяти километрах ждало второе место, требующее еще большего приложения физических сил.

Добираться пришлось по бездорожью, потому что никакого родника там не было, а стало быть никаких к нему следов техники. Но между двумя невысокими буграми, в данном месте с крутыми обрывами, рос шикарный куст камыша, высотой метра три, а диаметром всего два. Откуда то камыш тянул водичку, и учитывая его сочный внешний вид, влаги хватало с лихвой. Вот я и решил попытаться до нее добраться, с помощью лома и лопаты.

Для начала ножом камыш срезал под корень – что бы не мешал махать железякой. И за час выкопал яму до коренных пород глубиной с метр, которая на глазах начала наполняться водой. Попробовал на вкус – солоновата, но для диких животных пойдет.

Перекусил, и до пяти часов яму расширял, делал пологий спуск к воде, выброшенную на поверхность землю и щебенку разравнивал. Водички за это время набралось прилично, попить стаду сайги голов в десять хватит с лихвой. Посмотрел на творение своих рук, похвалил себя, и конечно запланировал через неделю вернуться с ружьем. А буду я браконьером или нет – это уж пусть каждый решает, согласно внутреннему убеждению, и оценки проделанной мною работы.

В партию вернулся как раз к ужину, на который после долгой и тяжелой работы ломом и лопатой очень рассчитывал. А когда, поставив мотоцикл в гараж и удивляясь, что Чапа не встречает, подходил к крыльцу, из дома выскочила подруга жены Наташа, с ведром для отходов в руках и в старом халате, много раз виденном на моей супруге. Молодая женщина, поровнявшись со мной, подозрительно хихикнула, отвела в сторону глазки и поскакала дальше к калитке, за которой находилась яма для мусора. Я удивился, увидев Наташу в непривычном для глаза одеянии, и уже заинтригованный, поднялся на крыльцо, открыл дверь коридора, а по совместительству летней кухни – и застыл истуканом, с перекошенной физиономией и открытым ртом: дальний конец кухни-коридора блестел свежей побелкой, а ближний – побелкой тусклой старой, усеянной множеством коричневатых пятен самого разного размера. И возле этого безобразия Света в одеянии маляра счищала пятна тряпкой. Увидев меня, тряпку швырнула на пол, как говорят, «в сердцах», и первый раз в совместной жизни возмутилась моим долгим отсутствием:

«Целый день пропадал где-то! Лодырничал! А я должна кухню ремонтировать! Одна! Слава богу Наташка помогает!»

«Так ты же ничего ремонтировать не собиралась», – тихонечко я прокашлял, удивляясь чем это женушка ухитрилась так красочно заляпать стены.

«Не собиралась», – согласилась Света, – «только меня бог наказал, за то, что тебя всегда отпускаю непонятно куда!»

К счастью, очень вовремя появилась Наташа, уже с пустым ведром, и желанием разрядить атмосферу.

«Он нас двоих наказал», – уточнила с улыбкой, – «и за дело. А Юрий Васильевич (это я) здесь непричем!»

Света плюхнулась на табуретку, с видом замученной непосильным трудом, и вынесла вердикт:

«Причем или не при чем – меня сейчас не касается. Пусть тряпку в руки берет, и пятна на стене счищает. У меня сил уже нет!»

«Отдохни, Светочка», – пожалела ее Наташка, – «а мы с Юрием Васильевичем быстро все сделаем».

Я не заставил ждать, и шмыгнул в лично мною пристроенную к кухне комнатку, из-за двери которой доносилось обиженное повизгивание лишенного свободы Чапы. После обычного ритуала встречи с лохматым другом, переоделся в настоящую рванину, которую не жалко выбросить по окончании ремонтных работ, и оставив дверь в комнатку открытой, но при-

казав Чапе из нее не выходить, уже через пять минут возюкал тряпкой по стене. Наташа за мной наносила на нее побелку, и дело шло быстро. Света посидела на табуретке с хмурым видом, посидела, и ушла в комнату-столовую. После чего я у Наташи поинтересовался:

«Что здесь случилось? Откуда эти пятна? И почему их так много?»

«Бомба взорвалась, Юрий Васильевич!» – ответила с улыбкой и так, что бы в соседней комнате жена не услышала, – «Меня со Светой убить могло!»

«Какая еще бомба?» – не поверил конечно, наверное голову мне морочит.

«Самая настоящая!» – приняла Наташа серьезный вид. И рассказала удивительные подробности.

В общем так. Решили Наташа и Света приготовить что-то вкусненькое, по случаю субботы. Думали-думали, и остановились на торте, и как один из ингредиентов, положили в кастрюле в воду две банки сгущенки – сварить ее, для придания определенного цвета и вкуса. Водичка в кастрюле закипела, девушки возились с тестом, и здесь к ним забежала соседка – поделиться радостью по случаю приобретения сногсшибательного платья. Конечно все бросили, побежали к ней посмотреть это чудо, а если разрешат – то и примерить. Чудо оказалось не одним, посмотрели и примерили еще какие-то шмотки, и только тогда вспомнили, что у них сгущенное молоко варится давно! Побежали домой, и... возле крыльца в доме бабахнуло раз – они тут же тормознули, поняли, что банка одна взорвалась, а другая к взрыву точно готова.

На крыльце постояли, пока не бахнуло второй раз – и правильно сделали, потому что бахнуло тут же. После чего дверь открыли – кухня оказалась вся в дыму, на газовой плите что-то шипело и воняло гарью, а стены, потолок и пол заляпаны коричневыми пятнами качественно сваренного сгущенного молока. Пришлось срочно отмывать от пятен пол, плиту и всю мебель, после чего приняться за стены и потолок, с которыми они провозились до моего появления – очень Света надеялась, что я не увижу случившееся безобразие, и даже о нем не узнаю, потому что договорились дамы о трагическом происшествии умолчать.

Дам конечно я пожалел, повздыхал, и еще энергичней заработал тряпкой – Наташа с побелкой меня нагоняла. Работы осталось совсем немного – в дальнем от плиты углу, куда коричневых капель долетело поменьше. Уже Чапа вышел из своей пристройки и сидел в кухне на отмытой территории, уже я начал думать об ужине и вспоминать что же у нас лежит съедобного в холодильнике, потому что калорий в организме не оставалось, И здесь дверь из комнаты открылась, высунулась Света и на удивление спокойно у меня поинтересовалась:

«Надеюсь, выпить хоть что-то есть?»

Я прямо расплылся в улыбке: слава богу, женушка отошла! Ну а выпивка, которую доставать превратилось в сущее наказание, к счастью в заначке пока есть:

«Водочки бутылка!» – кивнул я головой. На что Света ответила убежденно:

«Водка и нужна, после всего этого», – поводила по стенам и потолку глазами, – «только ею стресс можно снять!» – и скрылась за дверью.

Часть третья

С понедельника я для ребят (и себя тоже) режим работы определил как авральный – до приезда начальства. Это когда больше работаешь ногами, и меньше карандашем – делаешь зарисовки на планшете, и все, а долгие и нудные описания пород в пикетажке оставляешь на потом, до лучших времен.

В поле определили площадки, на которых каждый должен разбираться с геологией самостоятельно. Для Паша, как он и надеялся – показал это в пятницу – выделили небольшую, но самую интересную, и двух канавщиков, получивших задание лопатами и кирками добраться до коренных пород там, где в пробе оказалось пол грамма золота. Самому же доверили руководство агрегатом БКМ, который рядом до коренных должен добирался буром и поднимать обломки на поверхность. Владимир и я будем исхаживали продолжение лошинки от Пашиного пяточка в одну и другую стороны, пытаться в щебенке под ногами найти хотя бы слабенькие признаки изменения даже не рудными, а предваряющими их процессами. К концу дня ни я, ни он ничем не могли похвалиться, и только наш энтузиаст принес из двух БКМовских скважин, которые мы называем дудками, обломки окварцеванных песчаников со следами ожелезнения. Ну хоть что-то для начала! Немедленно из них отобрали пробы для срочного анализа..

Подозрительные камни по возвращении с поля я и Владимир (Паша остался при БКМе и с ним на участке задерживался) понесли показать главному геологу.

«Изменения есть, наверное процессами дорудными», – определил он после тщательного осмотра, – «сейчас важно, что бы они развиты были пошире, что бы и для руды место нашлось». По нашим прикидкам, этого места уже не оставалось, и посмотрев на физиономии, Игорь Георгиевич попытался ободрить:

«Главное, носы не вешать. Изменения предрудные есть. Канаву пройдете – глядишь, и рудные появятся. Ну а места для руды мало – вина не ваша. Главное, правильно работаете и проявление золотишка не пропустите, ни здесь, ни в другом месте!» – он улыбнулся, возвращая образцы, и добавил, – «А начальству показать – и этих камней хватит, вы же только начали разбираться. Кстати, оно завтра в обед появится, так что тебе,» – ткнул пальцем в мою сторону, – «придется в камералке остаться, вдруг материалы потребуют показать?»

Я кивнул головой, мол понял, и мы с Владимиром кабинет покинули, что бы не мешать человеку спокойно работать.

Ребята на следующий день снова умотали в поле, а я в камералке до обеда сидел над на скорую руку сляпанным планом пяточка, на котором мы успели два дня побегать, и придавал ему сколь возможно прятный для глаз вид. Конечно, вынес места отбора проб с повышенным содержанием золота, начатую канаву на месте самой из них богатой, дудки БКМ, отметив те, где встречена измененная порода. Получилась портянка только с наметками элементов геологии, практически без подтверждающих канав, но если кое о чем при демонстрации умолчать, необходимость продолжения работ ни у кого сомнений не вызовет.

После обеда руководители объединения и никому не знакомый химик наконец в партии появились, и сразу закрылись в кабинете у Павла Петровича, нашего начальника. Попозже пригласили туда ведущих специалистов геологического цеха, главного инженера, инженера по технике безопасности. И волновавший всех вопрос прояснился: партии поручалось ответственное дело, на первый взгляд абсолютно ей не нужное и ничего, кроме лишней головной боли, не обещающее.

В общем, так. У нас есть изученный объект, материалы по которому и просматривал главный геолог Игорь Георгиевич, когда я посетил его на днях. Как уже говорил, объект плохоньким, золота кот наплакал, и содержание в лучших пробах всего до двух грамм на тонну породы. Ни старателей, ни добытчиков объект не интересовал, а потому именно на нем решено

поставить эксперимент по извлечению золота из породы новым методом. Который, как нам объяснили, смог бы вовлечь в разработку известные на данный момент нерентабельные объекты. Суть метода проста: добытую руду с небольшим содержанием золота складывают на предварительно подготовленной площадке, и с использованием специального оборудования непрерывно подвергают дождеванию агрессивным раствором, который, проходя через рудную массу, некую часть золота из нее извлекает. В основании кучи раствор в специальном стоке собирают и вновь пускают на дождевание. И так много раз – иначе говоря, процесс дождевания непрерывный, и по идее содержание золота в растворе должно непрерывно повышаться. В какой то момент проводится его извлечение, с использованием определенных эбоксидных смол, на основе так называемого ионно-катионного обмена.

Возможно, что-то я не понял, что-то пропустил, но примерно так нам, не специалистам в этом деле, объяснили суть эксперимента. А дальше распределили обязанности отдельных служб. Геологической досталось самое легкое – мы обеспечиваем контроль за рудой. Если поднятой из разведочного шурфа окажется недостаточным для эксперимента, определяем размер дополнительной добычи и проводим расчеты по количеству содержащегося в ней золота. Горный цех дополнительную добычу производит, готовит необходимую для эксперимента площадку, затем перемещает на нее приготовленную рудную массу. Оборудование для приготовления необходимых растворов, нужные реагенты привезут из города, для работы с ними придут специалисты. Но отвечать за все дела будет начальник партии, главный инженер, и естественно, инженер по технике безопасности.

Конечно, на этом совещание не закончилось – всем еще долго объясняли, что конкретно предстоит делать по времени, какие прямо сейчас нужно начать подготовительные работы, насколько они сложны и ответственны. В общем, головы загрузили по максимуму. Наконец выслушали незнакомого химика, рассказавшего о сложности и опасности перевода золота в раствор из-за повышенной агрессивности применяемых компонентов, что окончательно испортили у всех нас, аборигенов, настроение. На этом совещание закончилось, и геологи дружно прошли в кабинет своего шефа, чтобы в узком коллективе обсудить услышанное. Игорь Георгиевич, по праву старшего, начал первым:

«Честно говоря, не нравится мне затея. Не наше дело, не для геологических организаций.»

«Можно подумать, это начальство волнуется!» – тут же откликнулся Николай Матвеев, старший геолог, занимающийся в партии разведочными работами, – «Не выйдет ничего – деньги спишут, и с концами, а получится – для них на премию государственную тянет!»

«Может и так.» – Игорь Георгиевич улыбнулся и кивнул в мою сторону, приглашая к разговору. Кое-какие мысли в голове у меня уже толкались, правда хаотично.

«Наверное, я отстал от жизни, раз не понимаю, каким раствором собираются золото из камней, то-есть из щебенки и буликов выщелачивать. В институте учили, что оно только в «царской водке» растворяется. Неужели дождевать руду собираются смесью азотной и соляной кислот?»

«Прогресс на месте не стоит, может и нашли что-то менее агрессивное», – бросил Николай, и поняв, что от него ждут большего, продолжил, – «Мне кажется, дело тухлое. Во-первых, нужно площадку, на которую собираются руду складывать, предварительно капитально заасфальтировать или забетонировать – отравы не должна в землю уходить или утекать куда-то. Там,» – кивнул в сторону кабинета, где проходило недавнее совещание, – «нам о защитной подушке сказали как о ерундовом деле, а она должна быть надежной. Во-вторых, из больших камней никаким раствором золото не извлечешь, значит придется руду предварительно дробить, что тоже стоит денег. И в третьих, кого заставишь за наши зарплаты дышать ядовитым воздухом возле всего этого безобразия?»

«А ты как думаешь?» – Игорь Георгиевич посчитал нужным услышать и меня.

«Николая поддерживаю полностью, ни хрена с этого опыта не выйдет!» – так я ответил, но в голове промелькнула мысль и другая: одно хорошо – денежки партии должны добавить, на все эти работы, по выщелачиванию; так что пока живем, сокращений не предвидится, по крайней мере в этом году.

Главный геолог помолчал, посмотрел на каждого:

«Кое в чем вы правы», – это сказал серьезно, а потом улыбнулся, – «только стратегического мышления вам не хватает!»

«Какого такого стратегического?» – озаботился Николай, и глянул на меня: я то что в стратегии понимаю?

«Самого простого», – продолжил удивлять нас шеф, – «в стране непонятно что происходит, магазины пустые, обещают на днях на продукты талоны ввести. А Павла Петровича (начальник партии) каждую неделю в город вызывают, и предлагают смету на работы пересчитать, в сторону уменьшения конечно», – помолчал недолго, вместе со слушателями, – «О чем это все говорите?»

«Ни о чем хорошем», – буркнул Николай, ну а мне больше и добавить было нечего.

«То то и оно», согласился Игорь Георгиевич с оценкой, – «А потому этот вот эксперимент и затевается. Только не как возможно новый способ извлечения золота из бедных руд, а как попытка создать предприятие с надежной рентабельностью. Которое само будет деньги зарабатывать, и работников позволит содержать не за счет государственных денег!»

Мы с Николаем синхронно почесали затылки: ничего кроме геологии не знаем и не понимаем! А Игорь Георгиевич продолжил удивлять дальше:

«Вы же знаете, что в объединении уже есть карьер, где монолиты гранитные добывают, в одной из партий. И начальник ее доволен: покупают камни не знаю для чего французы, платят валютой. Конечно, ему достаются рубли и не все, но кое-что перепадает. Ему хорошо, и рабочие при деле, сокращений не предвидится», – посмотрел на меня, – «В объединении хотят второй карьер завести, но добывать не гранит, а другую породу, мелкозернистую. Нам неплохо с этим делом подсутиться», – улыбнулся обоим, – «Карьер действующий, этот вот эксперимент – и партия может дальше жить спокойно, без сокращений, даже если финансирование на геологию сократят!»

Я и Николай головами покивнули в знак того, что не полные тупаки и кое-что в стратегии поняли, после чего Игорь Георгиевич счел нужным предупредить:

«Только об этом разговоре никому ни слова, что бы раньше времени неприятностей не поиметь.» И на этом мы разошлись.

Часть четвертая

Слава богу, дела в моей группе приехавшее начальство не интересовали, а потому я спокойно утром уехал в поле, и о порученном партии эксперименте ребятам рассказал уже там, как только вывалились из машины. Конечно, без выводов, сделанных позже в кабинете главного геолога. Сейчас хотелось услышать мнение и подчиненных, коллег по работе. Владимир, как всегда, ждать не заставил:

«Давно пора! Только в Мирном отвалов с забалансовым золотом несколько, считай по одному на каждом добычном участке! Вот и будут их новым методом перерабатывать!» – человеком государственным себя показал! Только забыл сказать, что же он сулит персонально нашей партии.

Паша, как и положено, отвечать не торопился из-за отсутствия в данный момент собственного мнения. Пришлось Владимиру его поторопить:

«Чего молчишь?» – встряхнул коллегу, – «Здесь и думать нечего, все как божий день ясно!»

С серьезным видом молчун округлил глаза: «Это что – из-за этого эксперимента шеф наш,» – кивнул на меня, – «деньги большие поимеет?» – это он напомнил о недавнем предсказании своего приятеля.

«Совсем спятил!» – возмутился Владимир, – «Причем эксперимент! Деньги он за свою работу получит, и скоро, может и приказ из города привезли!» – на мгновение глянул на меня – какотреагирую на этот треп. Пришлось в содержательный разговор вступить:

«Вот что, экстрасенс хренов,» – Владимир тут же сменил гнев на удивление, – «и ты, Паша, с верой в предсказания – может хватит о деньгах? Ну сколько можно!»

Оба сделали вид, что мои слова их не касаются, начали что-то рассматривать под ногами, по сторонам, старательно от меня отворачиваясь. Оставалось еще раз их потревожить:

«Ты, Паша, на вопрос так и не ответил. Повторюсь еще раз: что думаешь о порученном партии эксперименте?»

Владимир тут же наострил уши, в ожидании ответа, ну а Паша с минуту подумал, повздыхал, и наконец выдал:

«Партии хуже не будет. Даже лучше – деньги на эксперимент дадут, может и нам немного достанется, вроде премии,» – продемонстрировал, что его в большей мере интересуют дела не государственные, а личные, и исключительно меркантильные.

И что я должен сказать о ребятах? А лучше меня сразу ситуацию просекли, без всякого стратегического мышления. Показали, что и подчиненных всегда полезно выслушать! Ну а дальше мы как работали – так и продолжим работать. Только теперь в нормальном режиме, а не авральном – не нужны мы начальству!

Вернувшись с поля, главного геолога в камералке не нашел. Выяснилось, что Игорь Георгиевич и Павел Петрович, вместе с визитерами уехали на место планируемого эксперимента – ознакомиться с обстановкой на месте. Далее у них запланировано посетить полевой лагерь аэропартии, проводящей аэромагнитную и аэрорадиометрическую съемки, и где по техническим причинам последнюю неделю стоит на приколе самолет АН-2 с дорожным оборудованием на борту. Городское начальство намеревалось разобраться в причинах простоя, и кому следует дать «втык», а заодно и показать, как это делается, начальству рангом пониже, то-есть нашему. А так как до аэропартии почти сто пятьдесят километров по прямой, то туда дана радиограмма готовить для гостей ночлег.

Получалось, что Игорь Георгиевич появится только завтра, и возможность порадовать его сегодняшними находками откладывается на сутки. Так что зря Паша два часа стоял над душой у ребят, заставляя углублять и углублять канаву там, где среди зеленых песчани-

ков вскрывалась бурая разрушенная масса, индефицировать которую оказалось просто невозможно. Только с полутора метров он ухитрился достать небольшой образец, не развалившийся прямо в руках. Учитывая, что канава проходила на месте пробы с содержанием золота полграмма, бурую дезинтегрированную массу можно было с большой натяжкой считать не совсем типичной «железной шляпой».

Для справки: «железная шляпа» образуется на выходе рудного тела на поверхность, представляет бурую ноздреватую массу, в которую превращается руда под воздействием воды и кислорода воздуха на глубине первых, до десятка, метров. Найти ее – большая удача.

Паша даже огорчился – так ему хотелось продемонстрировать «драгоценный» образец главному геологу, и тут же побежал по комнатам показать желающим, намекая что руда у него чуть ли не «в кармане».

Пока я и Владимир возились с бумагами, завершая рабочий день, Паша успел многим задурить голову, и в комнату повалил народ, поздравить и нас по случаю выявления нового рудного объекта. Я только усмехался и скромно объяснял, что говорить о руде оснований нет, а Владимир просто кипел в негодовании.

«Какая руда!» – чуть ли не кричал навещающим нас доброжелателям, – «Что это за «железная шляпа», если как глина в руках размазывается! Железа точно много, а золота нет и быть не может!» И оборачивался ко мне: «Да скажи ты малахольному, что бы зря людей не нервировал!»

После таких выступлений гости принимали озадаченный вид и комнату нашу покидали, как я предполагал, для еще одной встречи с «первооткрывателем». И наверное что-то ему говорили не совсем приятное, а потому коллега не зайдя к нам испарился, покинув камералку «по английски» и не дав Владимиру высказать все накопившееся.

Но через пол часа я его снова лицезрел, уже скромным как мышка. Возник у меня в огороде, поздоровался с Чапой за лапу, потрепал его за голову. И после этого непрерывно покашливая, строя на лице непонятные гримасы и чуть ли не заикаясь, понес ахиною:

«Тут такое дело, без тебя не обойдешься», – я обратился весь во внимание, – «в магазинах ни мяса, ни курятины. Тебе хорошо, ты и рыбак, и охотник, тебе ни то, ни другое не требуется, а Людке (это его жена) уже кормить нечем. Вот она и решила курей завести, что бы хоть яйца были.» И замолчал, так что пришлось поинтересоваться:

«Ну а я как могу помочь? С курами никаких контактов!»

«А Людка договорилась,» – стронул его со стопора, – «в Придорожном баба из холодильника инкубатор устроила, цыплят на продажу клепают», – и замолчал снова.

«Ну а я то что могу сделать?»

«Съездить за ними не на чем», – шмыгнул он носом, – «а надо сегодня, иначе продаст кому другому, и следующие появятся через месяц».

Ну Паша, ну и зануда! Неужели нельзя просто сказать, по человечески, по товарищески, что я на час-другой нужен ему с машиной! Мы же не только коллеги по работе, но и по жизни друзья!

Я тут же пошел открывать гараж, и через десять минут, прихватив Людочку, мы катили на «копейке» к Мирному, что бы из него по ведомственному асфальту добраться до областного шоссе, и уже по тому, свернув направо, до холодильника, переоборудованного умельцами в птичий инкубатор. Чапа, конечно, не замедлил в машину забраться и устроиться у Паши на коленях – удобно смотреть на дорогу.

Поселок Придорожный, куда мы направлялись, репутацию имел отвратную. С недавних пор постоянной работы там почти не было, и народ кормился от проходящей рядом железной дороги, что вызывало головную боль у работников транспортной милиции – с грузовых вагонов лихачи сбрасывали все возможное, что оказывалось под силу. А несколько лет назад, когда возле него стояли дорожники – вели очередной ведомственный асфальт, тогда к молодому

поселку Пионерному, где как и в Мирном началась добыча золотосодержащей руды, там организовалась преступная группа, занявшаяся хищением этой руды и ее частичной переработкой. Наша партия тоже пострадала – с площадки возле разведочной шахты вывезли несколько богатых отпалок, причем дело дошло до смерти вначале одного партийского работника, а позже, уже в процессе следственных действий, гибели еще троих человек.

Преступников удалось уличить в содеянном, руду партии вернуть, а я принимал в расследовании участие как знаток местности, на которой разворачивались события, и как специалист по всему, что касается руды. Славные были времена! Сейчас, когда мы катили к месту давних событий, а пассажиры скромно молчали, я о них и заговорил, что бы оживить атмосферу:

«Помнишь, Люда, как бандиты из Придорожного руду с нашей шахты спереть пытались?» – обратился к представителю прекрасного пола, – «Я тогда вокруг все облазил, руду искал, даже в самом поселке.»

«О ваших подвигах, Юрий Васильевич, в партии все знают» – Людочка сзади зашевелилась, – «Вы все умеете, не то, что мой оболтус,» – легонько стукнула Пашу по голове ладошкой, – «Вам то ни к чему, а мне вот приходится кур разводить, кормить семью нечем!» – перевела разговор на житейские темы, – «В магазинах сейчас хлеб да крупа, а мясными продуктами и пахнуть перестало!»

«Рыбу и я домой приношу,» – попытался Паша реабилитироваться, обернувшись назад, – «а зимой даже мясо, когда к нам сайга приходит!»

Уже стало веселей, потому что милые бранятся – тешатся, чему я в данный момент был свидетелем. И не желая, что бы потехи переросли в ссору, тему разговора постарался чуть-чуть изменить, задав Людочке простенький вопрос:

«А кто в поселке индивидуальной деятельностью по выращиванию цыплят занимается?»

«Женщина одна, днем в медпункте сидит, а после работы с инкубатором возится,» – и на мой недоуменный на нее мимолетный взгляд – с чем там можно возиться – пояснила, – «Каждый день яйца ворожить надо, что бы зародыш к скорлупе не присох, малявок кормить, следить чтобы не замерзли и друг друга не поклевали».

Во страсти какие, а я думал, всего и делов яйца в инкубатор запихнуть, а из него цыплят вынуть! Нет уж, лучше семью ружьем пропитаю!

Когда двенадцать малявок, очень заинтересовавших собаку, в коробке из под обуви определили на заднее сидение и Чапа немедленно взял их под защиту как уже личную собственность, а Людочка возле крыльца дома расплачивалась с их бывшей хозяйкой, с неба донесся непонятный гул, и сразу прекратился. Все задрали вверх головы – самолет АН-2 планировал над поселком, неожиданно еще раз проревел на максималном режиме.

«Движек барахлит, что ли?» – Паша глянул на меня и вновь уставился в небо. Самолет, теперь нормально гудящий, удалялся в направлении на Мирный, куда он прилетал из районного центра Солнечное дважды в день – утром и после полудня. Не похоже, что у него проблема с двигателем, и я брякнул первое, что пришло в голову:

« Это он друга из местных жителей приветствует. Может извещет о чем-то.»

«Кого тут можно приветствовать или извещать!» – усомнился Паша, устраиваясь в машине, потому что Люда расчет закончила и к нам подходила.

Вроде бы и событие ерундовое: ну проревел самолет, ну и что из этого? Но факт в памяти отложился, и как окажется, будет иметь прямое отношение к появлению у меня в руках сумки с деньгами.

Трудности возникли, когда Люда вылезла возле своего дома из машины и хотела забрать коробку с малявками – Чапа возмутился, отдавать не желал, и демонстрировал недовольство повизгиванием. Пришлось объяснить ему истинное положение дел – Чапа все понял, и коробку с цыплятами разрешил забрать. Показал еще раз, что интеллект у него намного выше, определяемого словом «собачий».

Часть пятая

Как оказалось, не оставил в покое канавщиков Паша и на следующий день.. Вначале заставил расширить углубленную часть канавы, из бурой породы надежно выйти во вмещающие зеленые песчаники, а потом там же кайлом выворачивать со дна все возможное, решив добраться до центра земли. Простые работяги, поняв ответственность момента, махали тяжелыми железяками в полную силу и даже колотили поднятые со дна камни, пытаясь, как и их мучитель, что-то в них разглядеть. Видимого золота никто не нашел, но образцов красивых набрали от души, а сама канава вышла на славу – под нее хоть сейчас можно было задавать скважину, настолько четко определялся угол, под которым бурая масса, или «нетипичная железная шляпа» залегала по отношению к земной поверхности.

Как и ожидалось, в камералке Паша потянул всех к главному геологу, продемонстрировать новые камни. Владимир из вредности – он же предсказал, что ничего хорошего на пяточке не будет – вначале поупирался, но все же пошел, наверное в надежде, что и Игорь Георгиевич подтвердит его убеждение.

Однако образцы шефу понравились:

«Нормальные, для начала лучше и не надо,» – услышали его мнение, – «Работу нужно продолжить. Конечно, пару канав задать рядом – определить как и куда то, что вы называли «железной шляпой» прослеживается, и пора подумать, где пройти магистральную канаву, экскаваторную. Сами понимаете – все лучшее может быть где-то рядом, и до него вы просто не добрались».

Паша засиял от удовольствия – как же, главный геолог в «железную шляпу», а стало быть и в возможное в ней золото поверил! Владимир наоборот, продемонстрировал на лице нескрываемый пессимизм, подтвердив его непривычным молчанием. И хотя еще несколько минут Паша демонстрировал главному геологу зарисовки по канаве интересных мест, в разговор так и не вступил.

Ребята ушли, а я у Игоря Георгиевича задержался, в надежде услышать его впечатления о поездке с большими начальниками. Главный геолог прекрасно понял, что жду, и как только за ребятами закрылась дверь, хитренько улыбнулся:

«Садись и слушай», – показал место за столом рядом, – «такое расскажу – не поверишь!»

Я не заставил ждать – плюхнулся на стул с не скрываемым любопытством:

«Неужто начальники о чем-то по дороге проболтались, чего простым смертным знать не положено?»

«Эксперимент ерунда,» – Игорь Георгиевич пренебрежительно махнул рукой, – «выбрали они место, где будут руду отравой поливать – и только. Потом прикинули, хватит ли руды из старого разведочного шурфа, решили что хватит. И покатили в аэропартию. Там все и произошло!» – шеф с серьезным видом покачал головой, подчеркивая невероятность происшедшего, – «У меня до сих пор поджилки трясутся, а на голове волос седых прибавилось!»

«Что случилось?» – не мог я сдержаться, и это в данный момент было простительно – начальник аэропартии мой друг со студенческой скамьи.

«У них-то все в порядке,» – успокоил главный геолог, – «это командир наш для меня и Павла Петровича приключений нашел!» – убедился, что заинтригован я больше некуда, и перешел к главному, – «Приехали мы в аэропартию, начальники кого следует поругали, потом переночевали. А утром к ним второй АН-2 прилетел, привез из города деталь, из-за которой наш самолет уже неделю на приколе. Командир к летчикам и подкатил: нельзя ли слетать еще в одну партию, всего-то километров двести, для самолета пустяк. Летчики поначалу заартачились, мол нельзя, надо город запрашивать, да и все равно разрешения не дадут, потому что пролетать нужно над военным полигоном, что строжайше запрещено. Ну нельзя так нельзя, тут

ничего не поделаешь. Мы уже собрались домой, а летуны к нам подходят: решили они рискнуть, но лететь придется на низкой высоте, что бы вояки не могли засечь радаром. Согласны мы – сейчас и полетим – туда час, назад час, и два часа на месте на все дело. Если самолет здесь дозаправят. Шеф наш, которому вздумалось появиться без предупреждения там, где никто его не ожидает, обрадовался, и потащил с собой всю компанию, за исключением химика.»

Здесь Игорь Георгиевич сделал паузу, и я этим воспользовался:

«А вы зачем понадобились?»

«Да никому не нужны,» – демонстративно возмутился, – «скучно шефу одному лететь, вот нас и прихватил!»

Я покачал головой, разделяя его возмущение, и с любопытством ожидал услышать самое важное, к чему как я понял, Игорь Георгиевич только подошел.

«Я как думал: ну взлетим, ну поднимемся метров на пятьдесят, а эти ребятки от земли оторвались на два метра, и погнались, чуть ли кусты не сшибая! Сопки облизывали – слава богу, крутых не нашлось! Ощущение – вот-вот во чтонибудь врежемся! Вижу, впереди высоковольтка – ну, думаю, кранты. А они через нее считай перепрыгнули, и снова к земле. На два метра! Еле дух перевел, когда долетели и сели!» Он опять замолчал, а я опять не удержался:

«А остальные как себя в самолете вели?»

«Как!» – Игорь Георгиевич улыбнулся, вспоминая вчерашние страхи, – «У меня – так душа в пятках пряталась, Павел Петрович только головой крутил, видя как земля под самолетом проносится. А городские начальники оказались на высоте – сделали вид, что пребывают в дреме – сидели с закрытыми глазами до посадки. Летчики иногда в салон посматривали, надеялись наверное, что мы от страха обделаемся! И когда из самолета вывалились, внимательно всех осмотрели ниже пояса. Ну прямо нахально, вроде другого и не ожидают!»

«А назад как летели?»

«А так же!» – шеф мой, возбужденный воспоминаниями, поднялся из-за стола и вдоль него начал прохаживаться, – «На тех же двух метрах! И слава богу, все хорошо кончилось!» Он остановился, улыбнулся, вспомнив и приятный момент: «Летчики потом сказали, что с геологами можно иметь дело – хорошие мол мужики, никаких воплей и истерик не услышали. Но только меня в подобную авантюру больше не заманишь! Летчики пусть летают, а мы должны по земле на своих двоих передвигаться!»

Ну и как вам такое? Лично я и подумать не мог, что среди летунов можно встретить людей несерьезных, в плане соблюдения техники безопасности полетов. Оказывается, есть такие, которых и лихачами назвать мало. Авантюристы, почище многих геологов! Уж меня и Доки –точно!

Часть шестая

Давно такого не видел: Паша на работу явился не сонной тетерей, которой любой вопрос нужно повторить пару раз, если хочешь, что бы до него дошел смысл, а сияющим живчиком, переполненным энергией, умными мыслями и желанием их тут же претворить в жизнь. Так на него подействовали слова главного геолога о «ценности» образцов «нетипичной железной шляпы»!

В машину возле камералки заскочил первым, шустро выскочил из нее на любимом пяточке возле канавы, из которой легендарные образцы были отобраны, помог работягам выгрузить лопаты и кайла.

«Смотри, не напутай!» – из салона машины Владимир, удивленный не меньше моего метаморфозой коллеги, решился на ценное указание.

Паша возмущенно хмыкнул, мол, нечего командовать, сам все знаю, и не удостоив подсказчика ответом, с молотком в руках кинулся забивать колышки – энергия из него лучилась как никогда. Канавщики потянулись следом, а Владимир, хотя и трудился в пол километре от данного места, тоже выпрыгнул из машины и подошел к кабине со стороны пассажира, где тот в моем лице наблюдал за развитием событий.

«Пешком прогуляюсь,» – буркнул недовольно, что объяснялось неадекватным ответом на его указание, – «А ты все же малахольного нашего проконтролируй, видишь как дергается – обязательно что-нибудь напутает!» – и, еще раз продемонстрировав непреодолимую тягу влезть в любое, даже не требующее подсказки дело, пошагал в нужную сторону.

День прошел в привычной суете, работе молотком, рисовке на фотоплане деталей геологического строения. Обычный день, и как в большинстве случаев, ничего интересного не принесший. От пяточка, где трудился Паша, я был далековато, и навестить его – километр туда и столько же обратно – посчитал лишней тратой времени. А когда начал собирать людей по окончании работы, наблюдал не совсем понятное. Один канавщик, как и намечалось, ковырялся в десяти метрах от теперь уже старой канавы, а второй – от нее метрах в ста пятидесяти, причем вместе с работягой там же маячила фигура сегодняшнего живчика, а вблизи ревел БКМ, проходя очередную дудку.

Чертыхнувшись в душе – в очередной раз Паша напутал – я попросил шофера вначале к нему и подъехать. Машина остановилась возле канавщика, который интенсивно шуровал совковой лопатой, выбрасывая из начатой выработки раздробленную породу, а мой коллега рядом молотил кайлом столь вдохновенно, что занятие не бросил даже при нашем появлении. Выпрыгнув из кабины, я медленно – этакое показное воплощение спокойствия – пошагал к энтузиазцам. Паша бросил в мою сторону взгляд фанатика-безумца, и вновь замолотил кайлом, работяга отложил лопату в сторону и вытер грязной майкой пот с лица и плеч.

Как любой геолог на моем месте, я поднял выброшенный обломок породы, надеясь найти в нем нечто, сподвигшее Пашу на невозможное – нарушить имевшуюся договоренность и самостоятельно, без одобрения мною или Владимиром, задать канаву непонятно где и непонятно для чего.

Порода имела необычный светло-серый цвет, и на сколе искрилась мелкими кристаллами пирита. Повертев образец и осмотрев внимательно со всех сторон, понял, что это знакомые зеленые песчаники, но интенсивно окварцеванные и вдобавок с пиритом. «Березиты» – так мы называем подобные образования, и очень надеюсь их встретить, потому что золото к ним тяготеет в большинстве случаев, хотя и не во всех ста процентах. Еще приятней тот факт, что, проследив взглядом по уже намеченному, но еще не тронутому лопатой продолжению канавы, увидел в ее контуре дудку БКМ, в отвале которой наблюдалась порода другая – рыхлая и бурая.

Такая же, как и в уже пройденной канаве, и определенная нами как «нетипичная железная шляпа». Это что же – она уже на сто пятьдесят метров протягивается?

Паша наконец отложил кайло и гипнотизировал меня взглядом не то нашкодившего пацана, не то получившего неожиданную пятерку двоечника. Наверное, не был полностью уверен, что действовал правильно, хотя найденные «березиты» освобождали его от любой ответственности, потому что вмиг перспективность пятачка повышали в значительной степени. Пойдет так дальше – глядишь и рудопроявление замаячит! Уже сейчас здесь, с учетом, что и золотишко какое-то есть, без больших объемов вскрытия, опробования и заверочного бурения не обойдешься.

«Сам догадался канаву задать, или Владимир подсказал?» – улыбнулся я проявившему невиданную самостоятельность подчиненному.

«С Ленкой вместе решили», – доложил тот, выбираясь из канавы, – «пока я первую задавал, он здесь дудки пробурил, из одной «березиты» натуральные поднял, а из другой,» – кивнул на бурые обломки рядом, – «что-то вроде «железной шляпы».

Ленька – только между нами. Вообще-то это Леонид, техник-геолог, в камералке имеющий постоянное место в нашей комнате и самый среди нас старший. Обычно он занимается канавами – и тогда на работу катается вместе с нами, но сейчас привязан к БКМ – показывает где и как проходить дудки, их же документирует, и в камералке появляется редко. Классный специалист, конечно обратил внимание Паши и на «березиты», и на бурую породу рядом. А тот проявил нужную самостоятельность – правильно решил, что «березиты», даже если в пробах золота миллиграммы, лучше, чем его пол грамма в похожей на «железную шляпу» породе, но среди неизменных песчаников. Сейчас я должен подчиненного похвалить обязательно, что бы сподобить на самостоятельные решения и в других похожих случаях:

«Правильно решил. Золото с «березитами» напрямую связано. Теперь главное – пробы побыстрее отобрать, и на анализ отправить вне очереди.»

«Сделаю!» – обрадованный Паша был готов и на большее.

Не знаю, о чем говорили коллеги в салоне ГАЗ-66, пока мы час пилили по проселку до родной партии, но из машины оба выскочили взъерошенными как ежи и не глядя друг на друга. Пока добирались до комнаты в камералке, ко всему прочему и молчали. И только там, бросив в сторону вначале Паши, а потом и на меня порцию возмущенных взглядов, Владимира прорвало:

«Пока мы сапоги без толку стирали,» – как я понял, под «мы» подразумевался он сам и я, – «Паша месторождение нашел. Такие камни показывал – ну прямо руда! Золота только не видно!» Съехидничал он откровенно, но и мне «березиты» понравились, да и нужную самостоятельность коллега проявил. То-есть, заслужил моральной поддержки, в то же время не обижавшей и Владимира.

«До месторождения далеко, может и вообще не получится, а до рудопроявления осталась самая малость. Так что с канавой Паша определился правильно,» – тот оторвался от бумажек на столе – демонстрировал «занятость» и нежелание видеть Владимира, и с усмешкой посмотрел в его сторону, оценив мои слова как поддержку не только действий на участке, но и мыслей по поводу возможного там золота.

«Да слава богу, что думать начал и без подсказки обошелся!» – не дал мне Владимир закончить, игнорируя слова насчет рудопроявления, – «Про руду не надо болтать лишнего, нет ее и не будет! А посмеяться над нами повод дадим точно!»

«Тебе руда не нужна», – вернул Паша, – «тебе важнее предсказание, что нет там ничего!» – напомнил экстрасенсу о его недавней связи с космосом, и вновь устоял на стол, побаиваясь вступить в открытую перепалку. И что бы она точно не началась – а по виду разгневанного Владимира было очевидно, что вот-вот процесс пойдет, пришлось проявить полномочия начальника:

«Все, разговоры кончаем, сейчас пройдем к главному геологу и камни покажем. Достаточно того, что нашли «березиты», и о руде пока разговора нет. Вот и порадуем шефа!»

Владимир недовольно фыркнул, мол, подумаешь, «березиты», но лицом помягчел – не демонстрировать же главному геологу гнев и раздражение. Паша же заулыбался и бодро начал отбирать камни для показа.

Но до него дело не дошло. Дверь в комнату приоткрылась, и из коридора прошмыгнули две дамы – моя жена с подругой Наташей. На лицах гостей написано: есть новость, которую удержать в себе уже не могут. Владимир в момент остатки недовольства с лица убрал, и как штатный экстрасенс, в данном случае не имеющий возможности провести сеанс связи с космосом и опередить дам собственным предсказанием, на второй роли оставаться не собирался:

«Пока мы в поле мотались, здесь что-то случилось. Чувствую, но не пойму что. Или я, девушки, не прав?» – как говорится, не мытьем, так катаньем, носитель энергии космоса напомнил о своей некой исключительности по части предвидений и предсказаний.

Женщины разом открыли хорошенькие ротки, и перебивая и повторяя друг друга, в сумбурном виде и исключительно женском восприятии рассказали о утренних событиях, случившихся на ведомственном асфальте. Слава богу, никто из партийских в них не участвовал!

Теперь по порядку, с учетом необходимых с мужской стороны уточнений. На днях в Мирненский банк привезли деньги самолетом, для выплаты зарплаты трудящимся. А сегодня за частью этих денег приехали из Пионерного, в котором по причине его молодого возраста аэродром построить не успели. При возвращении домой с деньгами, машина инкассаторов попала в аварию – на приличной скорости задела встречную и слетела под откос, перевернувшись пару раз. Шофера, кассира и охранника с тяжелыми травмами привезли в Мирненскую больницу, слава богу, все живы. А инкассаторский мешок с деньгами исчез. Исчезли и пассажиры встречной машины, почему-то оказавшейся без госномеров и полностью сгоревшей на асфальте.

Выпытывать у гостей детали происшествия (не катастрофы же – никто не погиб) было бесполезно, женщин как правило технические подробности не интересуют. Но Владимир отмолчаться не мог:

«А в каком месте машины столкнулись?»

Дамы переглянулись, пожали плечами. – даже этого не знают!

«И кто из шоферов виноват не знаете?» – не успокоился наш непоседа. Ответа не получил, хотя и услышал от Наташи:

«Говорят, там милиция работает», – а кто другой мог работать?

Пару минут мы еще потрепались, посочувствовали пострадавшим и все, можно было тему кончать, больше никаких подробностей гости сообщить не могли. Они это поняли, и продолжая вздыхать, комнату покинули. Теперь тему можно обсудить исключительно в мужском коллективе.

«Похоже, в одной машине придурки сидели», – поторопился Владимир с комментарием, – «могли бы и не лихачить, с деньгами все же ехали, А в другой полные дураки – машину бросили, а с деньгами смылись! Их же найти – раз плюнуть!»

Паша так быстро определиться не мог в силу некой своей малахольности или, мягко говоря, обстоятельности, а потому молчал, вследствие чего наш энергоноситель обратил взор на меня:

«Ты-то как думаешь?»

«А что думать? На асфальте каждый год несколько машин целуются, Теперь пришла очередь инкассаторов. Ну а с деньгами согласен – зря соблазнились хозяева брошенной машины. И хотя номера с собой унесли – найдут их быстро. »

Паша так и отмолчался, что никого не удивило, и на этом о происшествии мы закончили – пора было нести образцы к главному геологу.

Однако вышел облом – Игорь Георгиевич в камералке отсутствовал. Пришлось молчуну грустно повздыхать – очень ему хотелось продемонстрировать шефу «березиты». А Владимир наоборот повеселел, и теперь посматривал на приятеля сочувственно, потому что друзьями они оставались несмотря на все разногласия по работе. Но в то же время и с налетом некоего пренебрежения, показывая этим изначально отрицательное отношение к не состоявшейся показухе. И не забыл напомнить:

«Не вздумай никому голову дурить, что руду нашел! Хватит одного раза!»

Дождавшись окончания рабочего дня в службах, не связанных с полем, я навестил своего компаньона по делам рыболовно-охотничьим. В камералке мы встречались редко – Евдоким, или Дока, трудился механиком, а потому обитает в гараже, да и там его частенько найти не просто. Вот я и притопал к нему домой, с надеждой узнать о ЧП на ведомственном асфальте поподробней. Все же Дока день провел в поселке – поближе к месту аварии, да и сам – как бы поточнее выразиться – по работе связан с машинами и получше разбирается во всяких с ними происшествиях. Не говоря о том, что и в Мирном, и в Пионерном у него масса знакомых среди работников тамошних гаражей.

Дока оказался информированным лучше представителей прекрасного пола.

«Машины то – в знакомом месте поцеловались, на знаменитом трамплинчике,» – сообщил с нескрываемым ехидством, – «Каждый год две-три разъехаться не могут, а дорогу подправить время не находят, хотя делов ерунда!»

Действительно безобразие, а трамплинчик местные шофера знают отлично. Дорожники в свое время не удосужились срезать либо выровнять бугор, и дорога не просматривается на подъезде к нему уже с полкилометра с любой стороны. По закону подлости, встречные машины, водители которых не могли видеть друг друга, частенько выскакивают на его верх одновременно. Сознательные товарищи, помня об опасном месте, перед трамплином скорость снижают и максимально прижимаются вправо – а я от греха подальше так и на обочину съезжаю – асфальт настолько узок, что и на ровном месте разъехаться не просто, а лихачи находят всегда.

Конечно, как и Дока я не замедлил возмутиться. Сколько о трамплине говорят – и все бестолку! Ладно бы одни железяки в утиль превращались – так ведь люди в больницу попадают, а некоторые прямиком на кладбище! Но в последнем случае исчез мешок с зарплатой горняков целого поселка – сумма запредельная, и это меня воодушевило:

«Теперь трамплин срежут», – удивил я Доку, – «Железки и люди у нас не ценятся, не то, что деньги – из-за них и про трамплин вспомнят, и про все аварии на нем, и крайнего найдут, кто за дорогу отвечает.»

«Должны бугор убрать,» – согласился Дока, – «А насчет аварии я не врубаюсь: хозяева второй машины с деньгами смылись – это понятно, но зачем госномера с собой забирать! На двигателе и кузове они же остались!»

И тут меня озарило: а действительно, зачем снимать госномера? Что там в машине, дураки сидели, что ли? А если не дураки, то машина и была без них, и очень может быть, что возле этого трамплина инкассаторов ждали, потому что авария была запланирована, а место для нее удобное!

Мысль была бредовой, но не отпускала и конечно определило то, что немедленно сорвалось с языка:

«Тебе не кажется, что авария подстроена?»

У нас с Докой головы работают в сходном направлении, что тут же подтвердилось:

«Очень кажется,» – с оптимизмом согласился с моим бредом, – «а если так, то люди были «рисковые», не побоялись под машину подставиться!»

«Могли просто поставить за бугром в нужном месте, самим в ней сидеть не обязательно,» – бредовая мысль получила дальнейшее развитие.

«Точно!» – теперь у Доки и глаза загорелись, – «А рядом вторая поджидала, на которой с деньгами умотали!» – ну прямо мою очередную мысль озвучил! И как страстный любитель всяких приключений, особенно если они с криминальным оттенком, тут же мне предложил: «Давай к трамплину смотаемся, посмотрим все на месте!»

Я не против, только что увидим? Милиция необходимые действия закончила, разбитую и сгоревшую машины наверняка увезли на штраф-стоянку в Мирный. Но время, как говорят, «детское», почему бы и не прокатиться?

Часть седьмая

Через пол часа были на месте. Втроем – Чапа мигом заскочил в люльку. Поставили Урал вверху трамплина на обочине дороги – так он виден издали с обеих сторон асфальта, не дай бог и нам попасть в передрагу, – и пошли вперед, посматривая по сторонам. Как и ожидали, ни людей, ни попавших в аварию машин. Только битое стекло, обломки пластика, следы огня и куски обгорелой резины, линии и кружки мелом на асфальте, оставленные гаишником. Все это сразу за перегибом трамплина, на спуске от Мирного, и прослеживалось метров на тридцать, заканчиваясь следами волочения чего-то большего и тяжелого с обочины на асфальт – как мы поняли, перевернувшейся машины. Левая обочина дороги разъезжена – по ней объезжали злополучное место; на правой следов не замечалось, но остались глубокие борозды, оставленные слетевшей с дороги машиной.

В общем, смотреть было мало на что, но и увиденного Доке для вывода хватило:

«Километров восемьдесят в час неслись, придурки,» – это насчет машины инкассаторов, – «и прямо по середине дороги! Они что, совсем без мозгов?» – посчитал, что «придурки» – слабо, подразумевает, что в голове все же что-то есть.

«Шофер не местный», – заступился я за бедного водилу, – «о нашем трамплине понятия не имел, или просто забыл!»

«Не понятия, а мозгов!» – с возмущением не согласился Дока, и уже поспокойнее, – «А вторая машина стояла. Ну не двигалась то-есть. Иначе от удара должна была или слететь с асфальта, или вперед сколько-то проскочить. А ее назад откинуло,» – показал рукой на асфальте царапины, – «вон следы, как несло.»

«А если они сломались перед трамплином и ремонтировались?» – предложил версию, хотя в подобном сомневался.

«Такого быть не может,» – Дока и на секунду не задумался, – «любой шофер обязательно скатился бы по склону назад, на обочину».

«А вдруг они только-только сломались, из машины вылезти не успели?»

Теперь Дока пару секунд подумал, потом улыбнулся с сарказмом:

«Ага, выскочить не успели, а номера снять и с мешком денег смыться ухитрились!» То-есть, товарищ мой показал, что версия аварии тянет на криминальную – спланирована, подстроена и принесла ожидаемые результаты в виде хищения крупной денежной суммы.

Примерно к тому же подходил и я, и последние вопросы задавал так, для очистки совести – вдруг что-то упустил по незнанию особенностей дорожных происшествий. Своими ответами совесть мою он успокоил, но теперь появилось и нарастало желание узнать, с кем исчез мешок денег и куда он в данный момент перемещается. Уверен, что и Доку подобные мысли волновали, а потому можно попытаться склонить его на следующие «подвиги», хотя прекрасно понимал, что вряд ли что хорошее из этого может получиться.

«Надо в сопки пробежаться», – попытался отвлечь его внимание от асфальта, – «если авария спланирована, то инкассаторов в них ждали, а не на дороге. Что бы не светиться.» И когда Дока обернулся ко мне, демонстрируя на лице поддержку этого предложения, все же его чуть-чуть охладил: «Хотя, конечно, могли сидеть во второй машине, если она была.»

«Вторая под вопросом,» – неожиданно усомнился автор такой версии, – «дорог у нас мало, а милиция уже по всем катается, все перекрыла и весь транспорт проверяет. Надежней для бандюков мотоцикл хороший, по бездорожью крутануться. Или к железке податься, на товарняк вскочить,» – и махнул в сторону железки рукой.

Последняя проглядывалась слева от нас совсем недалеко, меньше километра, в середине широкой долины. А ведомственный асфальт, на котором мы стояли, проходил по ее краю, впритык к сопкам от нас справа. Насчет железки – что можно с деньгами вскочить в товарняк

– Дока был прав, но отчасти. Предварительно нужно добежать до разъезда, где эти поезда останавливаются или по крайней мере притормаживают. А это еще пару километров. Плюс поезда ходят не слишком часто, плюс лишние свидетели на самом полустанке. И получается, что похитителям с деньгами двигаться к железке не резон. Это я доходчиво объяснил, и тут же услышал полезное уточнение:

«Значит, в сопки, где инкассаторов ждали, и с деньгами ушли – больше некуда. Может и оставили в них что-то, вроде улики – следы машины для подставы, еще одной, если она у них была, или мотоцикла».

«А участвовало в деле три человека,» – вернул я совсем не очевидное, – «двое здесь – один деньги брал, второй его страховал, а третий там,» – махнул рукой в сторону Мирного, – «подавал сигнал, что идет нужная машина.»

Дока изобразил на лице восхищение «прозорливостью», покачал головой, еще раз ее подчеркивая, и без слов пошагал к мотоциклу. Не оставлять же его на дороге, пока будем бегать по сопкам?

Нужное место нашли в момент. Что неудивительно при специфике моей работы – постоянно смотреть под ноги и различать не только какие там породы, но и следы диких животных и любых средств передвижения человека не просто безотносительно, а и с привязкой ко времени. Дока, конечно, в поле времени проводил поменьше, в силу профессии, но как ярый охотник в следах разбирался тоже неплохо.

На вершине ближнего к асфальту бугра (сопкой язык назвать не поворачивался) в пожухлой траве валялось несколько окурков сигарет с фильтром, а ветки редкого баялыча рядом либо сломаны, либо пригнуты к земле несомненно рукой человеческой. Чапа закрутился, начал принюхиваться – показал, что кто то здесь был и не очень давно. Ведомственный асфальт отсюда отлично просматривался в обе стороны, что для лихих ребят было важно, и как мы поняли, здесь сидели не менее двух часов – если судить по числу чинариков, и что курящих было двое.

Дока начал собирать окурки и сравнивать их между собой, Чапа продолжал работать носом, а я еще раз проследил взглядом асфальт в сторону Мирного. Километра на два он просматривался надежно, а дальше, после подъема, исчезал за сопкой. Получалось, что у преступников, если они конечно были, в запасе имелось не более полторы минуты, чтобы при появлении машины инкассаторов и ее скорости, как определил Дока «километров восемьдесят», сбежать с бугра вниз, вскочить в машину свою, выехать на асфальт и поставить ее в нужном месте. Ну а спрыгнуть с обочины дороги – обязательно вправо, что бы в аварию не попасть – времени почти и не надо.

Пока Дока возился вверху, я спустился с бугра посмотреть, где можно поставить машину или мотоцикл, не опасаясь что их с дороги могут увидеть раньше времени, и тут же нужное место нашел. Конечно, следы колес были слабенькими, как и положено на щебенке, и только одной машины, но помог баялыч, который под колесами сминался и кое-где ломался.

Подождал Доку, пока он закончил с окурками и спустился ко мне:

«Видишь?» – показал ему придавленные к щебенке ветки баялыча, и Чапа тут же торнул в них носом, – «машину здесь ставили, а второй или мотоцикла у них не было.»

«Вижу,» – Дока кивнул головой, – «а их, как ты говорил, двое и было. Я окурки сравнил: один сигареты губами держал и только до половины скуривал, а второй фильтр прикусывал, и сигарету вышмаливал полностью, до фильтра.»

Попросив обладателя часов засечь время, вдвоем по слабеньким следам, а где и за Чапой, сосредоточенно их вынюхивавшему, мы из-за бугра метров через двести подошли к асфальту там, где на него вытаскивали машину инкассаторов – где-то здесь и преступники в свое время на него выехали. Дока уже понял, для чего я просил засечь время:

«Две минуты топали,» – сообщил мне, посмотрев на часы.

На первый взгляд многовато – машине инкассаторов требовалось полторы минуты, чтобы доехать до трамплина с того места, где преступники могли их увидеть. Правда, мы шли пешечком и медленно – следы слишком плохо просматривались и Чапа не спешил. Пришлось напарника просить:

«Нужно еще раз за бугор пробежаться. Две минуты нас не устраивают.»

Он тут же глянул на часы и пустился бегом, так же бегом вернулся назад:

«Минута десять туда и минута пять назад,» – дыша как паровоз, доложил результат, – «Я и на верх бугра заскочил, туда на пять секунд больше ушло.»

«Теперь все сходится. У лихих ребят было полторы минуты выехать на асфальт, поставить на нем машину, и из нее убраться. А они, как ты видишь, все могли проделать за минуту десять. Не учитывая, что к асфальту ехали, конечно побыстрее, чем ты сейчас пробежал.»

«Вот гады, что придумали!» – возмутился сыщик-любитель, окончательно уверившийся в криминальном характере происшедшей аварии, и не замедлил поинтересоваться, – «А что мы будем дальше делать?»

Об этом и я думал, пока мы шагали к Уралу, спрятанному от лишних глаз в тех же сопках. Подошли, но Дока не спешил приступать к обязанностям водилы, а топтался возле него, на меня посматривая и ожидая, что на вопрос отвечу.

«Давай с самого начала,» – наконец определился я с мыслями, и Дока изобразил на лице внимание, – «бандиты знали, что деньги должны везти из Мирного в Пионерный, то-есть, они могли жить в одном из этих поселков.» Дока, соглашаясь, кивнул головой. «Но это на первый взгляд,» – он тут же выразил на лице удивление, – «Машина, которую инкассаторам подставили, не из этих поселков точно, потому что найти ее хозяев, даже если и без номеров, и сама сгорела – в чем я сомневаюсь и предпочитаю считать, что ее специально сожгли –труда местной милиции не доставит. Слишком хорошо в поселках все друг друга знают, также как и все машины и мотоциклы, даже если они официально не зарегистрированы.»

«Значит подстроили аварию приезжие, а наводчик был из местных!» – понял напарник то, что я собрался ему донести как вывод из уже сказанного.

«То-то и оно,» – похвалил за сообразительность, и не замедлил огорчить, – «и получается, что ничего большего мы с тобой сделать не можем, нет у нас возможности узнать главное: кто наводчик. А без него и исполнителей искать нечего!»

Дока почесал затылок, с минуту подумал и нерешительно предложил:

«Может, к Михаилу съездим? Предложим свою помощь?»

Михаил – это капитан милиции, Мирненский опер, по совместительству и наш хороший знакомый, можно даже сказать – друг. Волей случая нам с Докой удалось поучаствовать в раскрытии преступления, точнее – убийства. Дело вел Михаил, и очень не хотел, что бы мы ему мешали. Однако получилось так, что главные подозреваемые, и что важнее – железные улики были найдены мной и Докой, и в нужный момент в милицию представлены. Преступников задержали, а мы с Докой стали друзьями Михаила, и могли бы запросто с ним пообщаться. Только не очень верил, что сейчас он станет с нами откровенничать по еще одному делу, к которому, не в пример прошлой работы, мы не имели никакого отношения. Однако факт подставы на асфальте в нужное время и в нужном месте машины, предварительно спрятанной от лишних глаз рядом с дорогой, следы присутствия двух наблюдателей – любителей покурить – на вершине бугра, сделали свое дело: я и Дока уже не представляли, как бросить начатое разбирательство. И от встречи с Михаилом, даже если он пошлет нас к черту, отказаться я не мог. Но Доку сразу же предупредил:

«Только не сегодня и не завтра. Времени у него для нас нет, пока с машиной без номеров разбирается и в банке шерстит, кто бы мог быть там информатором. Получится у него за два дня – и ладно, помощь наша не потребуется. А не получится – мы и подъедем, окурки что ты собрал покажем, сюда свозим, на бугор, откуда инкассаторов высматривали, расчеты наши по

времени приведем,» – и видя, что друг мой несколько приуныл, закончил на более радостной ноте, – «Глядишь, и заинтересуем человека!»

Мы еще недолго поболтали – так, о мелочах: на чем и куда преступники с деньгами рванули, если следов мотоцикла или второй машины мы не заметили, как и где информатор из Мирного мог сообщить не местным нужные сведения, ну и т.д. Но все это можно считать пустым трепом – пока у нас не было ничего, что могло бы направить мысли в нужном направлении. Оставалось – для очистки совести – осмотреть то место, где как я предположил, кто-то третий подал сигнал, что идет инкассаторская машина.

Но вышел полный облом – на верху длинного подъема в сторону Мирного был врез в коренных породах, иначе без еще одного трамплина, почище уже известного, дело бы не обошлось, и асфальт уложили на сплошные камни, на которых любые следы заметить невозможно. И даже окурков свежих не нашли, хотя все возможные места осмотрели внимательно. Так что вопрос – как сюда добрался предполагаемый подозреваемый третий и был ли он реально – остался открытым. Так же и сигнал – как можно подать, что бы на расстоянии двух километров его легко увидели. Или услышали?

Домой вернулись в сумерках, и жена сообщила последние новости:

«В Мирном шофер в сознание пришел. Сказал, что смутно видел двух человек, которые подбегали к машине, когда она перевернулась».

«И что они делали?»

Света пожала плечиками: «Этого он не знает, сказал, что сознание потерял.»

«А другие что говорят?» – не мог я остановиться, пока не выпытаю все возможное.

«А другие ничего не могут сказать,» – Света улыбнулась, заметив мое нетерпение, – «они сознание сразу потеряли, и в себя пришли, когда их в больницу привезли.»

«А деньги нашли, или нет?» – продолжал я надоедать, хотя было ясно, что не нашли – об этом Света точно не промолчала бы.

«Ищут», – подтвердила очевидное на сто процентов, – «говорят, на всех дорогах солдат поставили, и по степи они катаются, с автоматами.»

Не с голыми же руками кататься. Преступники оружие имели, на случай, если охранник инкассаторов будет способен дать отпор – пистолет то у него был точно. Кстати, увели его вместе с деньгами, или нет?

Часть восьмая

О вчерашней аварии, трех бедолагах, попавших в больницу, и исчезнувших деньгах утром я не собирался и вспоминать. А открыл глаза – все уже в голове, и заполняют ее так плотно, что другому, более подходящему для начинающегося дня – субботы – места в ней не остается..

Чапа мое некомфортное состояние почувствовал и пытался выразить сочувствие: преданно смотрел в глаза, садился рядом и прижимался горячим боком, пытался лизнуть лицо, а если не получалось, то и ногу.

Пришлось срочно искать работу – отвлечься от наваждения ненужного и по сути бесполезного – все возможное с Докой уже обсудили, и прокручивать в голове еще раз связи между деталями происшествия было пустой тратой времени. К счастью, физическая работа как альтернатива умственной, есть всегда – даже небольшой огород требует постоянного приложения сил, если намерен получить отдачу в виде свежих овощей и фруктов, очень для семьи нужных во время непонятно откуда свалившихся сложностей со снабжением населения продуктами сельского хозяйства. Нужно только определиться с чего начинать – с очередного планового полива, или с менее приятного – уничтожения сорняков. И постараться эти дела закончить побыстрее, что бы успеть посетить родник, мною в прошлую субботу освобожденный от бетонного кольца, а потом и второй, лично выкопанный. Может, на них уже и дикая животина попить ходит?

Для пробы подергав несколько нагло завоевывающих грядки растений, к посадки которых не имел никакого отношения, понял, что желательно начать с полива – из сухой земли сорняки выдираться не желали, а следовательно и искоренять их полностью невозможно. Пришлось развернуть шланг, присоединить к трубе водопровода, и с пол часа развлекаться, зажимая пальцами его конец, что бы разбить единую струю на каскад капель, ничем не отличающийся от дождя.

В землю вода впиталась мгновенно, растения на глазах позеленели, избавившись от пыли. Теперь сорняки выдергивались полностью, и можно начинать их уничтожение. Я уместился на маленькой скамеечке, обеспечивающий определенный комфорт в намечавшейся работе, подмигнул и улыбнулся Чапке за моральную поддержку, но приступить к делу так и не сумел.

Наверное, и Доку занимали те же мысли, от которых я пытался отвлечься, однако он по моему пути не пошел, и появился в огороде, демонстрируя своим видом жуткую озабоченность.

«Почти не спал», – сообщил вместо приветствия, но собачуху не забыл погладить, – «все думал, куда бандиты могли с деньгами смотаться,» – и видя, что я на эти слова не реагирую, добавил, – «Я уже в Мирный съездил, машину сгоревшую посмотрел.»

У нас вчера был разговор, что не мешало бы посетить стоянку возле милиции, куда по идее эту машину должны притащить. Но в партию с места аварии мы возвращались в сумерках, когда разглядеть что-то по настоящему из под забора издали – с чего бы нас к машине подпустили – было невозможно, а потому дело отложили на «потом». Получается, что это «потом» Дока осуществил с первыми лучами солнца.

«И как она выглядит?» – заставил и меня заинтересоваться.

«Обычный бобик, очень старый. Подойти к нему я не мог, но в дырку в заборе видно, что крылья сгнившие, и вообще весь помятый, даже на той стороне, которая в аварию не попала. А цвет не понял, сгорел капитально, внутри одни железки черные. Но», – здесь Дока изобразил некую гордось, – «бак бензиновый в аварии не пострадал, а удар спереди был касательным. Не могла машина загореться, зажгли хозяева!»

«Как мы и считали,» – кивнул я головой, разделив поровну удовлетворение от подтвердившегося вчерашнего предположения, хотя автором был один я.

«Ну да,» – согласился Дока принять предложенное, – «только откуда она, если не Мирненская и не из Пионерного?» – наверное, часть ночи приятель провел в думах и по этому вопросу.

Я уже понял, что моим планам насчет посещения родников осуществиться не дано, а Доку следует занять, иначе не даст мне покоя весь день. Причем занять делом, которое доставит ему удовольствие, или втянуть в кампанию, желательно с пивом или чем покрепче.

Огородом Дока, не в пример меня, не интересовался, пришлось раньше времени – сорняки выдирать так и не начал – предложить непоседе навестить Пашу. Он, конечно, покорно за мной потащился, по инерции продолжая в какой раз объяснять уже известные детали вчерашнего происшествия на асфальте. И сообщенные малость оклемавшимся шофером инкассаторской машины, о которых узнал от жены Ниночки, работающей медсестрой в Мирненской больнице.

Паша был занят: зажав в руке пучек растений, резал их на мелкие кусочки. Я то догадался, для чего это делается, а Дока очень удивился:

«Зачем тебе?»

Хозяин молча собрал резку в старую жестянку, и махнул нам рукой – пошли мол, покажу зачем. Возле сарайчика рядом с большим ящиком, накрытым сверху металлической сеткой, сидел Чапа, тряс своим обрубком и внимательно что-то под сеткой разглядывал. Для гостей была простерта вниз руку: смотрите! Дока с любопытством глянул в указанном направлении, и растянул губы в улыбке – по дну ящика с писком бегала шустрая семейка – цыплята, за которыми я возил куролюба и Людочку (его жену) в Придорожный несколько дней назад. Но сейчас это были уже не крохи, уместившиеся в небольшую коробку, а прилично подросшие бесенята, непрерывно с писком разбирающиеся в птичьих проблемах.

«Красавцы!» – с гордостью оценил питомцев воспитатель, – «На глазах растут! Пару месяцев – и яйца всмятку лопать будем!»

Но Дока, привыкший обеспечивать семью продовольствием исключительно с помощью ружья, восторгов Пашиных не разделил. Отдав должное его усилиям – «Да, делов с ними куча!» – он не замедлил озвучить свое кредо, – «Я на такое не способен. На мотике покрутиться, побегать по горкам и что-нибудь добыть – это мое. Главное – свобода, а не так вот, каждый день траву резать!» – и обернулся ко мне, ожидая поддержки. Паша же соорудил пренебрежительную физиономию, и повернулся ко мне тоже.

«Каждому – свое», – выступил я миротворцем, хотя по жизни в каждом конкретном случае придерживался взглядов или того, или другого. И, что бы не дать им возможности начать разборку по пустому вопросу, попытался перевезти разговор на другую тему, одновременно увлекая ребят за собой, в сторону входной в сарайчик двери, за которой находился закуток хозяина, оборудованный для личного общения с приятелями – был там стол, пара табуреток и старый диван, и где-то – не сомневался – по случаю субботы припрятана бутылка спиртного.

Как и ожидалось, миновать открытую в сарайчик дверь Паша не мог – предложил зайти, выпить «по маленькой». Я не против – лучше выпить, чем поругаться. Но Дока возмутился:

«Еще чего, в такую рань! Я должен кое-куда смотаться!»

Интересно куда – не на трамплин же, где вчера до сумерек с ним топтались. А если в горки, что бы подтвердить и мне, и Паше свою приверженность к определенному образу жизни, в котором ружье стоит на первом месте, то я бы его с удовольствием сопровождал.

«Куда собрался?» – поспешил уточнить намерения, стоя у входа в «антисанитарию», коей Людочка назвала Пашин закуток, где хозяин уже что-то выискивал.

«Родники есть, в яблоневом саю», – от нашего поселка сорок пять километров, там в горках (не очень высоких, но очень крутых) есть водичка, и рядом с одной растет старая плодоносящая яблоня, – «хочу проверить, ходят ли пить архары.»

«Я с тобой», – выскочило само собой, без предварительного осмысливания, надо ли это делать. А как иначе? Не мог я отказаться от общения с дикой природой, если такая возможность появилась. Тем более родники предлагалось посмотреть редко кем посещаемые.

От Паши мы тут же смылись, озадачив его отказом «отметиться» в дружеской кампании, и разбежались по домам приготовиться к поездке, то-есть предупредить жен, собрать по «тормозку», проверить ружья. А после этого приказать Чапе, который крутился под ногами и постоянно смотрел мне в глаза – возьму или не возьму? – оставаться дома. Конечно, он послушается, но до моего возвращения будет лежать на крыльце, ни пить, ни есть. И вид иметь совершенно убитого горем. Пришлось придумать для него дело:

«Будешь охранять!» – погрозил возле его носа пальцем, – «Никого не пускай!»

Чапа принял озабоченный вид, побегал по крыльцу, и для острастки непонятно на кого гавкнул – показал, что на пост он заступил. Теперь, как я давно убедился, в калитку без сопровождения Светой зайти могут только несколько человек – моих ребят, и компаньонов по утиной охоте, которых Чапа знал отлично и поддерживал дружеские отношения.

Через пол часа, ровно в полдень, на Докином Урале покатали по заросшему травкой проселку в направлении едва выглядывающих из-за горизонта вершин далекого горного массива. Пилить нам, учитывая сложность дороги, не меньше двух часов.

Я давно заметил, что коллеги по работе геологической, с которыми я четыре раза в неделю катаюсь из партии на участок и обратно, затрачивая на это не меньше двух – двух с половиной часов в день, по большей части время проводят с пользой для организма – в дреме с закрытыми глазами. Не интересуют их ни виды из салона машины, ни возможность заметить вдали стадо диких животных, волка или лису, дрофу-красотку с выводком. Наверное, хватает им того, что в поле у каждого маячит перед глазами целый день, и народ рвется в цивилизацию – под душ, под кондиционер, на чистую кровать, попить пивка и т.д. Меня же дикая природа радует, можно сказать – «захватывает» – всегда, в любое время. Конечно, я могу подремать, сидя на камушке, или полежать под саксаулом. Но не закрою глаза в кабине машины, когда за окном пролетают сменяющие друг друга сопки, горушки, долины, саи и все-все другое, никогда не повторяющее друг друга. Ну а диких животных пытаюсь заметить первым, что почти не случается, посчитать сколько их, куда они от машины бегут. И где их можно поискать завтра, если для этого найдется время. Конечно, я просматриваю впереди дорогу и если замечу на ней следы, обязательно прошу шофера остановиться, и выскочив из кабины с ними разбираюсь, опять же пытаясь понять сколько зверей здесь шло и в какую сторону с дороги они побежали. К этим моим заморочкам коллеги давно привыкли, конечно посмеиваются и конечно не понимают, что благодаря таким причудам я всегда прекрасно знаю, где в данный момент обитает местная сайга, и где я ее могу найти, если такое понадобится. Надеюсь, лирическое отступление охотники поймут правильно.

Что касается дикой природы, мы с Докой были однойцевыми близнецами. И трясясь на мотоцикле, не просто перемещались из одного места в другое, а внимательно просматривали все вокруг, как и дорогу впереди. И конечно никаких мыслей ни по работе, ни по вчерашней аварии ни у меня, ни у него в голове не присутствовало – не было для них там в данный момент места.

В радостном возбуждении от любимого занятия, в ожидании чего-то невероятно-интересного, мы проскочили всхолмленную равнину, и, свернув с проселка, который поворачивал влево и далее тянулся вдоль горного массива, по еле видимым следам давних машин въехали в этот массив по сухому руслу в узкой щели, рассекающей первую гряду почти до подножья. Теперь скорость пришлось уменьшить и ползти еле-еле – сухое русло было завалено глыбами, заросло кустарником и как таковая дорога отсутствовала.

Прорвавшись немного вперед, выбрались из русла вправо, в лощину между двумя горками, и сколь возможно протолкнув мотоцикл по ней вверх, замаскировали его в кустах.

Теперь можно начать главное: пешком спуститься назад в знакомое русло и пройти с пол километра по нему вверх. Там и был первый родник, на который ходили пить архары.

Вода заполняла углубление в коренных породах и из него не вытекала, но все же просачивалась по трещинам, и давала возможность расти невысокому тростнику и еще какой-то мелкой травке. Идеальное место для водопоя, и Дока на подходе к нему вырвался вперед, отстегивая от пояса фляжку. Я отстал метров на пять, и эти метры все решили. Дока положил на камни ружье, склонился с фляжкой над водой, и в этот момент из-за тростника, от нас не дальше десятка метров выскочил архар. Что он делал, и почему подпустил так близко – мы и не поняли. Зверюга гигантскими прыжками уходил вверх по почти отвесному склону сразу за родником, и вот-вот должен был скрыться за перегибом из поля зрения. Дока понял, что времени выпрямиться, схватить ружье и выстрелить у него нет, а потому не стал и пытаться это сделать. У меня же ружье было в руках – я мгновенно его вскинул, и выстрелил в последний момент, вернее в последний прыжок, после которого архар исчезал из вида.

Он и исчез, а мы уставились друг на друга, не зная что и сказать.

«Ну блин, как лопухнулись!» – напарник первым не сдержал эмоций.

Я собрался ответить, что всяко бывает, но повернулся на звук, донесшийся с верхней части склона – кувыркаясь по нему, мертвый архар падал почти к нашим ногам. Мы молча следили, как он долетел до родника и остановился у самой воды.

«Достал все таки!» – Дока повернулся ко мне с сияющими глазами и хотел сказать еще что-то, но я, услышав подозрительный шум, замер, подняв вверх указательный палец правой руки. Дока жест понял мгновенно и тоже прислушался.

«Урал к нам идет!» – смог я различить еще далекий звук мотоцикла.

«Точно!» – услышал его и Дока, – «Давай вверх с архаром, они могут у воды остановиться!»

Разом рванули к животине, схватили за передние и задние ноги, начали с тяжелейшей ношей карабкаться вверх по склону.

Звук мотоцикла усиливался катастрофически быстро. Вдруг это охотинспекция? Встречи с ней мы не желали, а потому выкладывались из всех сил. Метров двадцать одолеть успели, и Дока прохрипел:

«Ложимся и не шевелимся!» – мотоцикл был уже рядом.

Заметить среди камней на склоне замерших людей не просто, если не знать, что они здесь присутствуют. На это мы рассчитывали, и не ошиблись – через несколько секунд появился мотоцикл с двумя седоками в военных офицерских рубашках без погон. Понятно – это охотинспекция. Но возле воды они не остановились, нас не заметили, и покатали дальше, наверное к яблоне, рядом с которой был второй родник.

«Пронесло!» – оживший Дока поднялся – звук двигателя до нас почти не долетал, – «Дальше что делаем?»

«Тащим архара к мотоциклу – там кусты, можно спрятаться и тушу разделать.» – во всех случаях сейчас желательно от родника побыстрее убратся.

Дышали как паровозы, и даже на пару минут шмякнулись на землю, что бы придти в себя от неподъемной ноши, которую пришлось тащить пол километра. А еще через двадцать добыча была освежевана, разделана и уложена в мешках в люльку Урала. Теперь можно подумать, как из гор выбраться, не пересекнувшись с прыткими ребятами в офицерских рубашках.

Налегке, то-есть без ружей, спустились в сухое русло и прошли по нему до выхода из горного массива. Пока никого не видно и не слышно. Решили: я поднимаюсь на крайнюю горку, чтобы видеть как можно дальше и щель в горах, и предгорную равнину. Дока возвращается к мотоциклу и сколь возможно накатом с неработающим двигателем спускается по руслу. В последний момент на ходу запускает двигатель, и на малом газу – чтобы мотоцикл никто не услышал – катит на выход из гор. Меня увидит издали, и если все спокойно – я побегу с горки

вниз. Не побегу – сворачивает в сторону и прячется в кустах. Слава богу, операция прошла на «отлично», и совсем скоро, уже в стгущающихся сумерках мы по знакомой дороге отъехали от горного массива на десяток километров.

Будь с нами экстрасенс Владимир, я не преминул бы спросить его, чем наше приключение кончится. Но он отсутствовал, по причине неприятия части нашего с Докой образа жизни, определяемого охотничьими страстями, и я по доброте душевной решил что все, на сегодня приключений хватает. Оказалось ошибался: некто свыше посчитал, что в крови у нас адреналина побывало маловато, и решил его добавить, уже на полпути к родному дому.

Еще издали в наступившей темноте заметил впереди непонятные слабенькие сполохи, не похожие ни на что ранее виденное. Посчитал, что это в Мирном или партии кто-то балуется с электросваркой. Дока, занятый мотоциклом и дорогой, их и не заметил.

Мы поднимались по пологому подъему, за которым проселок пересекал неширокую, но довольно глубокую долинку. Дока знал, что проселок сейчас должен нырнуть вниз, и сознательно не разогнался. Выскочили вверх, и на мгновение проселок исчез из вида – он уходил вниз из света фар. Мотоцикл перевалил верхнюю точку, «клюнул» носом, фара снова осветила его уже в долине, а рядом на обочине – колонну из нескольких машин с горящими фарами, и несколько человек, бегущих нам наперерез.

Я оценил обстановку мгновенно. Останавливаться, когла в люльке ружья и разделанный архар – нельзя, мало ли с кем мы повстречались, повернуть назад на спуске уже невозможно.

«Жми вперед и не останавливайся!» – почему то прошептал Доке в ухо, и он тут же добавил газа. На спуске мотоцикл быстро разогнался, и теперь мы летели вперед, не давая шанса бегущим перекрыть дорогу. Через несколько секунд они оказались позади, остановились и пустили поверх наших голов навесом пару ракет. Никто за нами не погнался, и скоро свет фар машин исчез далеко позади.

«А если б погнались?» – вспомнил Дока о происшествии, когда уже в партии разгружали мотоцикл возле его дома.

« Был выход: ехать до железки, и нырнуть под нее в один из бетонных квадратов, в который машины не вписываются,» – такой вариант у меня действительно был придуман и давно, – «За нами могли гнаться, но остановить – возможности не было, пока мы сами не сдадимся. Стрелять ночью по мотоциклу вряд ли кто рискнул бы, это не машина, в которой можно колесо прострелить не опасаясь, что пассажиров зацепишь.»

Дока покачал головой, покопался в люльке, с торжествующей улыбкой протянул мне какую-то штуковину:

«Незачем к железке ехать! Сзади пару таких штук бросил – и гони дальше спокойно!» – в руке у него был «еж» – три определенным образом сваренных больших гвоздя со срезанными шляпками.

На крыльце дома Чапа сдал пост, внимательно меня обнюхал – почувствовал запах животного – и радостно начал прыгать, пытаясь лизнуть в губы. Славный собачуха!

Часть девятая

Утром разделили добычу, потом уже дома я мясо обрабатывал – доводил до кондиции, что бы сразу положить на сковороду. Хороший кусочек отнес Паше, у которого возникли «трудности» с обеспечением семьи определенными продуктами. Такой же отнес и Владимиру, но помня его жену – директрису партийской школы и по совместительству «синий чулок» – с которой по случаю выходного мог столкнуться нос к носу, сделал это с опаской. Потом в огороде наконец разобрался с сорняками, вдвоем с женой съездили в Мирный прошвырнуться по магазинам и ...скоро и вечер не заставил себя ждать. Я уже готовился в кровать – завтра вставать в четыре утра – как появилась Света, непривычно возбужденная:

«Говорят, бандитов поймали, которые деньги у инкассаторов унесли!» – с ходу сообщила мне, заскочив бегом в комнату, считавшуюся у нас спальней.

«А деньги? Деньги нашлись?» – поинтересовался я о более, как считал, важном.

Света пожала плечами:

«Про деньги не знаю, и женщина, которая новость принесла, тоже не знает».

Интересно получается: про бандитов знает, а про деньги при них – нет. Так не бывает, и слова – «бандитов поймали» – скорее всего утка, одной из представительниц прекрасного пола непонятно от кого услышана и ложно воспринята свершившимся фактом. Но прямо сказать Свете о подобном предположении не хотел, что бы не огорчать, по крайней мере сейчас. Потому, с невиданным для нее спокойствием –после такого-то сообщения! – уместился на кровати, и только после этого, видя что жена все еще ответ ждет, дал его в свободной форме:

«Хорошо, что поймали подлецов, А если и с деньгами – так прямо отлично!» На что Света неожиданно для меня усмехнулась, и выдала истинную правду:

«Врать то не надо! Если деньги нашлись – что вы с Докой в горах искать будете! Вы же без приключений дня прожить не можете!» – и из комнаты, а потом из дома выскочила, наверное новость обсудить с более заинтересованными в этом подругами.

Утром в понедельник и ребята подтвердили вчерашние слова женушки – то-есть, слух о поимке пассажиров сгоревшей на ведомственном асфальте машины дошел и до них, но так же как и до меня – без важной детализации: оказались с ними похищенные у инкассаторов деньги, или же отсутствовали. То же самое сообщил мне в машине и шофер Николай, с небольшим уточнением: в Мирный никого в милицию вчера не привозили, стало быть, если кого-то и поймали, то не местные стражи порядка. В общем, полная неопределенность, и можно спокойно работать, не загружая голову лишними домыслами. Договорились в обед встретиться у Пашиной канавы – я отвез его с канавщиками на пятак разобраться с «березитами», затем Владимира с пол километра в сторону, и на те же пол километра в другую отъехал сам. Вылез из кабины и начал оглядываться.

Я уже говорил, что в пределах лощинки, где в нескольких ранее отобранных пробах содержание золота достигало десятка миллиграмм, не оказалось выходов коренных пород. Это осложняло работу – приходилось ковыряться в делювии, то-есть обломках пород как принесенных из ближнего окружения, так и в меньшей части представляющих местные коренные. И понять, которые из них одни, а какие другие – было не так просто, а точнее – с слишком малой степенью вероятности. Конечно, жизненный опыт многое значил, и я на планшете что-то рисовал, что-то намечал к обязательному вскрытию канавами, дудками БКМ. Но сказать, что наблюдаемое меня захватывало в такой же мере, как Пашу, у кого вначале появилась хоть и не типичная, но все же «железная шляпа», а потом и «березиты», что повысило перспективность его пятак, я не мог. Конечно, иногда находил бурые обломки непонятного происхождения, кусочки кварца, калыцита. Но было их слишком мало, чтобы предполагать значимый

рудный объект, и в то же время не давало права поставить на участке крест, как это делается на заведомо пустых площадях. То-есть, работы требовалось продолжать.

Как и договаривались, на обед собрались, но не возле канавы, а отошли в сторонку, что бы работяги нас не слышали – совсем им не нужны наши обсуждения увиденного, да и я хотел друзьям рассказать подробности наших с Докой субботних приключений..

В подходящем месте разложили содержимое «тормозков», и с аппетитом принялись за уничтожение вкуснятины домашнего приготовления. Конечно, не забывая делиться наиболее интересными наблюдениями. Первым похвалился Паша: он не только вскрыл «березиты», он и «железную» шляпу» вскрыл в той же канаве. Владимир на это заметил с легким злорадством:

«Мы твои «березиты» с «железной шляпой» еще в пятницу видели! Так что ничего нового!»

Паша помрачнел, но соглашаться не собирался:

«Зато образцы выколотил – посмотреть любо!»

«Смотри себе на здоровье,» – со смешком продолжил Владимир, – «только другим их совать нечего. Все равно золота в них нет!» – «вестник космоса» продолжал гнуть свою линию.

Паша возмущенно замахал руками, закрутил гововой и отвернулся от вредного коллеги в сторону, ну а мне пришла пора начавшийся раздрай останавливать.

«Нечего ругаться!» – успел вклинился в «дискуссию» до очередного витка словесной перепалки. На что Паша согласился, то-есть крутиться перестал, а Владимир презрительно хмыкнул, но перебивать не решился, – «Лучше я вам о своих приключениях расскажу, может оба посмеетесь!»

Коллеги тут же наострили уши, ожидая услышать очередную как мы говорим «хохму», случившуюся со мной на уже известной им охоте. Я ее и рассказал, в точности и по порядку, заставив мужиков и повозмущаться, и посмеяться. И даже в некотором роде услышал подтверждение нашего везения:

«В яблоневом сае» – и Владимир, оказывается, о нем знает, – «вчера инспекция двух мужиков поймала. Слава богу, никого они не убили, но ружья отобрали. Я только не пойму, почему вас не прихватили, самых что ни есть браконьеров!» – не смог не подчеркнуть отрицательного отношения к человеку с ружьем. Я не стал его уверять, что везение наше от того, что бдительность не теряем, и в сложной обстановке проявили нужную находчивость и выдержку, позволившие от встречи с охотинспекторами уклониться. Паша был иного мнения, то-есть изъятие для собственных нужд неучтенной, вернее никому конкретно не принадлежащей животины браконьерством не считал, с учетом наступивших сложностей с продуктами питания, и мне посочувствовал, покивав головой. Но пошел дальше, и объяснил, что часть вчерашних наших с Докой страхов была напрасной:

«Машины вы встретили, когда домой возвращались – отряд чей-то из одного в другое место перебазировался. Ночью блуданули, вот у вас и хотели про дорогу спросить.»

«Откуда знаешь?» – удивился я информации.

«А они ночью к нам подъехали, я утром к ним пробежался. Ну и поговорили, про дорогу. Они сразу же собрались и укатили.»

Вот так то. Оказывается, я и Дока мало что браконьеры, так и коллегам по профессии в нужный момент в помощи отказали. Ну полные подлецы! Настроение у меня испортилось, и до конца работы я свой нехороший поступок осуждал, хотя в той обстановке любой на моем месте поступил бы точно так.

А в камералке, когда вернулись с поля, нас ожидали новости. Да какие! Оказывается, в воскресенье вечером на обласном шоссе два участника аварии с инкассаторской машиной были не задержаны. Они оказали вооруженное сопротивление и были убиты! Как и при каких обстоятельствах – никто из камеральских не знал, но похищенных денег при них не оказалось точно. Я сразу подумал, что денежки сейчас у преступника третьего – того, кто как мы с Докой

предполагали, подавал сигнал о инкассаторской машине. Но ребята мои о таком не знали, и отреагировали на новость соответственно.

«Пропали денежки!» – посчитал Владимир, – «Где-то они их спрятали, вот и будут лежать как клад, пока не сгниют!» Посмотрел на меня с улыбкой инквизитора: «Теперь ты со своим приятелем (явно имел ввиду Доку) дома и ночевать перестанете – клад искать будете! Всю оставшуюся жизнь! И бестолку!»

Паша выслушал, похлопал глазами, и в некотором роде приятеля уел:

«Найдет он клад (это про меня), ты же сам ему большие деньги нагадал. А их, кроме как из этого клада, больше и взять неоткуда!»

Владимир с возмущением махнул рукой – чушь Паша несет явную – и из комнаты выскочил, не удостоив того ответом. А я своему неожиданному заступнику улыбнулся, и попросил его ненадолго задержаться – вынести на мною начатый план пройденные канавы, новые дудки БКМ, отметив те из них, где встречены «березиты» и бурые породы, похожие на «железную шляпу. Паша быстро все сделал, и получилась очень неплохая картинка, на которой интересные породы – если верить не щебенке под ногами, а образцам из пройденных выработок – занимали не такую и малую площадь. В мыслях я Пашу похвалил, за проявленную им дотошность, ну а вернувшийся в комнату Владимир, как и ожидалось, ничего хорошего не углядел:

«Березиты» единым телом нарисованы по дудкам, то-есть уколам точечным, а пройти канаву магистральную – и все рассыпется, в отдельные пятна!»

Может и прав, но я предпочитаю надеяться на лучший вариант. И прекрасно сознавая, что переубедить Владимира не смогу, предложил другое:

«Вы лучше идите со всем этим к Игорю Георгиевичу,» – кивнул на план участка и кучу Пашиных образцов, – «Он же про «березиты» еще не знает. Вот его мнение и послушайте. Может, и перестаните воз в разные стороны тащить!»

Паша быстренько набрал сколь возможно удержать в руках камней, прихватил план участка и из комнаты вышел – очень ему хотелось продемонстрировать шефу красивые образцы. А Владимир на эти сборы пренебрежительно фыркнул, и в комнате остался. И не задерживаясь, убежал домой. Так ему не хотелось участвовать в показухе, в которой – я не сомневался – Игорь Георгиевич обязательно поддержит коллегу словом, а если потребуется – и дельный совет даст! И, кстати, испарился он во-время: через пару минут дверь в комнату распахнулась как после хорошего по ней пинка ногой, и влетел Дока, в средней стадии возбуждения.

«Слава богу нашел!» – радостно выпалил, будто я специально от него прятался и наконец-то попал в руки, – «В Мирный когда рванем к Михаилу?» – тут же напомнил о недавней договоренности, и добавил уже известное, – «Слух пошел, что пристрелили гадов, которые инкассаторов грабанули, а денег с ними не нашли. Значит, денежки искать придется, и мы в этом деле можем пригодиться!»

«Не сейчас же», – для начала чуть его охладил, – «в милиции рабочий день, а к Михаилу мы поедем после него, часов в шесть, не раньше,» – и наблюдая, как у него страдальчески вытягивается физиономия, добил окончательно, – «Если он согласится на встречу.»

«Звонить будешь?» – спросил совсем грустно.

«Обязательно. А ты иди, работай спокойно, без тебя я никуда не двинусь», – все же немножко и обнадежил. Дока повздыхал, возле меня потоптался и тихонько комнату покинул, осторожно прикрыв за собой дверь.

Скоро вернулся Паша, сияющий как звезда. Жаль, Владимир его таким не увидел! Я с улыбкой на коллегу посмотрел, вопросительно кивнул головой – как?

«Отлично!» – бодро ответил признанный молчун, – «Все правильно делаем! И золото здесь есть, только,» – голос немного понизил, – «пока непонятно сколько. Но на рудопроявление потянет!» – вновь перешел на радостную ноту.

«Так и дальше продолжай,» – поддержал энтузиаста, – «а Владимира поменьше слушай, он же на своем предвидении заикнулся!»

Напевая под нос, Паша за столом занялся бумагами, а я из комнаты вышел – поинтересоваться у шефа, появилось ли что новенькое в жизни партии.

«Павел образцы и план участка только что показывал», – начал он с другого, – «смотрится все отлично. И «березитов» тело приличное намечается, и что-то к «железной шляпе» близкое прослеживается. Молодцы в общем! А по эксперименту – пока дела бумажные. Деньги считают – сколько нужно на строительство площадки, сколько для перевозки руды на нее, сколько на реагенты, ну и конечно на зарплату,» – об этом сообщил совсем не весело. Пришлось поднимать ему настроение – рассказать о приключениях в яблоневом саю. Глаза у Игоря Георгиевича, не менее страстного охотника, загорелись чуть ли не пламенем

«Повезло вам! И инспекции не попались, и архара добыли!» – позавидовал откровенно, – «Возможность появится – я машину организую, с тобой туда смотаться! Евдокима прихватим (это Доку), Владимира (это главный геофизик). После работы вечером доедем, а с утречка на родниках посидим. Это ж такая красота, даже если архары и пить не придут!»

Часть десятая

А в Мирный пришлось звонить раньше намеченного – в четыре часа. Из-за Доки, который приперся ко мне домой, хотя для него рабочий день еще продолжался, и начал гундеть всякую ахинею. Да такую противную, что я не выдержал, и побежал к телефону в гараж – это что бы лишний раз в камералке не светиться. Дока от меня ни на шаг.

Михаил оказался на рабочем месте, и на мою просьбу ответил согласием:

«Сейчас и приезжай, буду ждать.»

Я потоптался возле гаража, пока этот змей бегал домой за Уралом, и через пятнадцать минут уже в милиции постучал в дверь комнаты опера. Встретил нас с усмешкой:

«Так и думал, что вдвоем заявитесь!» – Дока скромно опустил голову, – «Ну а если вдвоем, значит интересуется вас недавний случай с инкассаторами,» – я кивнул головой, соглашаясь с глубиной предвидения. «Только что я могу рассказать, если ничего и сам пока толком не знаю,» – он махнул рукой, что бы мы садились за стол, медленно и молча достал сигарету, прикурил, – «Вы конечно знаете, что деньги унесли – так вот: их пока не нашли». Несколько раз затянулся, медленно выпуская дым в направлении потолка: «А ганстеров вчера армейский патруль остановил, они на попутке в областной центр намылились. Документы хотели проверить, ну и вещи в машине осмотреть, на предмет похищенных денег», – с серьезным видом осмотрел нас по очереди, – «Стрельбой дело кончилось. Они пистолеты выхватили, по паре раз успели грохнуть. Сержанта, начальника патруля, ранили, Ну а два солдата из автоматов их», – сделал понятный жест рукой, – «в решето», – стряхнул пепел с сигареты в жестянку, – «Если б мы (то-есть менты) такое сделали – были бы в дерьме полном, полгода пришлось бы оправдываться, бумажки отписывать. Ну а солдатики срочники, с них никакого спроса – не они первые стрелять начали».

Михаил молча докуривал сигарету, мы с Докой также молча ждали, когда он ее погасит и продолжит удивлять дальше.

«Хозяин легковушки легко отделался. Дважды напугался до полусмерти, и все. Первый раз – когда они машину тормознули, а он дурак остановился, и понял, что ребята лихие; второй раз – когда патруль остановил и стрельба началась. Но сообразил вывалиться из кабины на асфальт, чем свою жизнь спас».

«А деньги то, деньги то как?» – не выдержал Дока.

«Как!» – Михаил усмехнулся, – «У каждого из этих подонков при себе оказалось...», – опер что-то прикинул, покрутил возле лица пальцами руки, – «примерно по столько одних десятков, сколько бывает в стандартной банковской пачке, и не распечатанных четыре пачки в сумке нашли. Они и стрелять начали, когда сумку предложили открыть. Вот и получается, что из похищенных денег ерунду взяли с собой, а остальные спрятали, до лучших времен».

«А вы что теперь делать будете?» – Дока наверное имел ввиду не только Михаила, а и всех работников милиции.

«Что делать будем?» – опер откинулся на спинку стула, – «Клизмы принимать, на которые начальство точно не поскупится!»

«А деньги как?» – продолжал Дока попытки обратить на нас внимание как на потенциальных помощников в любых поисках.

«Можно считать, что деньги сгорели», – Михаил потянулся за очередной сигаретой, – «Но искать заставят. Вернее – до конца разобраться с аварией, и найти, если конечно повезет, еще хотя бы одного фигуранта, к делу имеющего отношение. Исполнители главные – а их было точно двое, это шофер инкассаторской машины и обходчик на железке, когда те через нее перебирались, видели, уже трупачи, от них на деньги не выйдешь. Вот и придется по банкам шерстить в трех местах – Мирном, Пионерном и Солнечном, кто-то же дал бандюкам наводку?»

Сейчас можно было бы сообщить оперу насчет возможного третьего фигуранта, столь ему необходимого – у нас с Докой на него тянул тот, кто в нужное время как мы считали подал сигнал и предупредил лихих ребят, что бы встречали машину инкассаторов. Но говорить о нем наши с Докой предположения без конкретных фактов (или улики?) я остерегался, Михаил мог и не понять. Пришлось для начала спросить другое:

«А в каком месте ганстеры машину тормознули, когда в город ехали?»

«Хозяин машины из Солнечного, а бандитов прихватил на областном шоссе, с километр в сторону города от того места, где наш асфальт в него утыкается», – опер ответил с неким намеком на удивление, и я в этом не ошибся, услышав продолжение, – «Вот и думай теперь, где они почти трое суток провели, если от шоссе с деньгами побежали в сторону железки, а потом снова на него вернулись!»

Теперь я мог Михаила немного и порадовать, если он не откажется и с нами кое-чем поделиться :

«У нас с Евдокимом», – кивнул на приятеля, – «есть что сказать по аварии и ее участникам. Но...», – я помолчал, посмотрел на Доку, принявшего вид знающего страшную тайну, и скромненько попросил, – «мы бы хотели вначале от тебя услышать детали. Ну что бы ты над нами не смеялся».

Михаил ухмыльнулся, прикурил очередную сигарету, оглядел нас с показной серьезностью:

«Ребята вы толковые, головы работают хорошо, а наблюдательности можно и поучиться. Ну и лишнего не болтаете,» – еще раз нас оглядел, теперь как невест на выданье, – «Что конкретно хотите услышать?»

«Все!» – на это я не очень рассчитывал, но все же надеялся, как и Дока – тот тоже головой кивнул.

Михаил сделал несколько затяжек, опустив голову, молча подумал, неожиданно сигарету в пепельнице погасил, и поднял голову:

«Хорошо, только между нами,» – и начал рассказывать.

Проговорили мы минут двадцать, ну а если все записать в сжатой форме, то получится примерно следующее:

– На прошлой неделе, в среду, в Мирный обычным после обеденным рейсом самолета АН-2, из районного банка в поселке Солнечном привезли крупную сумму на зарплату рабочим. Часть денег оставалась в банке, а за второй на следующий день ожидалась машина с инкассаторами из поселка Пионерного.. Но что-то случилось с машиной, и они задержались на сутки. А когда приехали и возвращались назад – произошла авария, в результате которой машина инкассаторов перевернулась и слетела с дороги, люди пострадали, а деньги исчезли. Но на асфальте осталась машина вторая, сгоревшая, без номеров и без следов пассажиров.

Выяснилось, что сгоревшая машина в момент столкновения стояла на ручном тормозе и включенной первой передаче, и загореться не могла, потому что удар конечно был, но характер повреждений не такой, что бы вызвать обязательное возгорание. В кабине же при пожаре часть не железных деталей расплавилась, что невозможно, если предварительно не залить все каким-либо поддерживающим горение составом. Последнее подтверждается и тем, что бензобак машины остался невредимым, бензин из него просто выгорел, не взорвавшись.

Через свои каналы Михаил попытался установить хозяев машины – по номерам на двигателе и на кузове, потому что госномера на ней отсутствовали. Выяснилось, что хозяев нет – ранее машина принадлежала сельскохозяйственному предприятию, от Мирного километрах в пятистах, была благополучно списана, с нее сняли все возможное и оттащили остатки на свалку. Откуда она – это подтвердилось при проверке – полгода назад исчезла. А куда и с чьей помощью – установить уже невозможно. Ясно одно: машину увезли, отреставрировали

можно сказать подпольно, то-есть, не собираясь на ней кататься по дорогам, где не исключалась встреча с милицией – возможно заранее готовили использовать в задуманном преступлении.

Одновременно в Мирном приехавшая из областного центра следственная бригада разбиралась с делами местного банка, пытаясь выяснить, был ли среди его работников сообщник преступников –информатор, имевший возможность знать точное время, когда деньги повезут в поселок Пионерный. Но зацепок никаких – деньги были приготовлены заранее, а точную дату отправки знал только директор. Подобное разбирательство проведено и в Пионерном, и тоже безрезультатно. В сговор же между преступниками и самими инкассаторами, сознательно идущими на смертельный риск, никто не верил.

Шофер инкассаторской машины, перед тем, как потерять сознание, заметил двух человек, подбежавших к ней сразу после столкновения, с закрытыми платками лицами. С их приметами (один побольше, а второй поменьше) и описанием одежды (камуфляжные костюмы) Михаил объехал все ближайшие поселки – безрезультатно, никто похожих людей в нужное время не замечал. И только железнодорожный обходчик видел двух человек, перескочивших железнодорожную насыпь и побежавших дальше через долину в сторону сопки. В том направлении было послано несколько машин армейского патруля, прочесавшего сопки, и тоже безрезультатно. Такие же посты были выставлены на подходе к Мирному, так что бежать похитителям было некуда, кроме безлюдной степи. Ну а на дорогах по всему району выставлены усиленные посты милиции для проверки любого транспорта.

«Как вы думаете – куда эти сволочи могли податься на три дня? Где деньги могли заначить?» – наконец поинтересовался Михаил и нашим мнением.

А мне припомнился любопытный фактик. Оказывается, деньги в Мирный привезли тем АН-2, который я наблюдал над поселком Придорожном, когда привозил туда Пашу и его жену Людочку за цыплятами.

«Интересное дело получается,» – попытался заинтересовать опера, – «самолет, на котором деньги везли, два раза двигателем проревел над Придорожном, может приветствовал знакомого из местных, а может предупреждал о чем-то.. Я там случайно оказался и все слышал.»

Михаил блеснул на меня взглядом:

«Думаешь, летчики кого-то предупредили, что деньги везут?»

«Может быть и такое,» – вариант мне казался возможным, а Доку он воодушевил больше чем нужно.

«Да точно сигнал давал!» – выдал с уверенностью, бросая взгляды то на меня, то на Михаила, – «У них же там одни бандюки живут!»

«Ну это слишком,» – Михаил встал и потянулся размять руки и ноги, – «я в поселок наведалься, и никаких бандитов с машиной без номеров никто там не видел. Да и,» – засунул руки в карманы и покачался с пятки на носок, – «деньги в Пионерный через день повезли. Не сидели же преступники двое суток возле асфальта, дожидаясь инкассаторов! Обязательно их заметили бы! Если не самих, так машину без номеров!»

Вот теперь время поделиться с Михаилом нашими с Докой наблюдениями.

«Мы с ним», – кивнул на напарника, – «в тот день на место аварии съездили, полазили рядом в сопках».

«Кто б сомневался, что вы дома усидите!» – с улыбкой продемонстрировал опер знание наших привычек лезть не в свои дела, и махнул рукой, предлагая продолжить.

«Место нашли, где в засаде сидели. Два человека, если по окуркам считать,» – Дока тут же извлек из кармана целлофановый пакетик с остатками сигарет и осторожно положил на стол поближе к Михаилу. Тот проследил за его действиями, и снова обратил взгляд на меня, уже заинтересованный. – «Если считать по окуркам, то сидели в засаде часа два-три, не больше, рядом, кстати, и их машина стояла».

На глазах Михаил помрачнел, и дальше слушал меня очень внимательно.

«Мы с ним,» – еще раз кивнул на Доку, – «все по времени рассчитали – было у них полторы минуты, что бы выехать на асфальт и машину подставить. И сделать это возможно, только если был кто-то третий, кто подал сигнал, что идет именно нужная машина».

Я замолчал, а Михаил резко сел на стул, вроде как на него упал, побарабанил по столу пальцами: «Какой вывод?» – понял я, что мне предложено продолжить.

«Вывод простой,» – в голове у меня уже сложилась интересная комбинация, – «Преступники не сидели два дня в засаде, а ждали инкассаторов в другом месте. Думаю, что на выезде из Придорожного, миновать который по дороге из Пионерного инкассаторы не могли. Может, и самолет для них погудел.»

«То-есть, один день они прождали зря – машина инкассаторов ремонтировать,» – вставил Михаил, начавший понимать ход моих мыслей.

«Несомненно,» – подтвердил я, едва сдержавшись от улыбки – на лице Доки сияло удивление клоуна Попова, от которого весь зал заливался хохотом, – «а на второй день они ее дождались, узнали по номерам, и поехали следом. Только не по асфальту – время у них было попетлять между сопок, пока инкассаторы деньги получали, пока то да се. Потому никто машину их и не встретил, а в Мирный они не заезжали. Возле трамплина двое с машиной остались, а третий наверное пешком пробежался, до того места, откуда сигнал должен был подать. А перед этим они сутки машину прятали в укромном месте, безлюдном.»

Михаил помолчал, с задумчивым видом и отрешенным взглядом, снова потянулся за сигаретой, прикурил.

«Задали вы мне, ребята, задачку,» – непонятно, похвалил нас или укорил, – «Получается, что это укромное место рядом с Придорожным,» – посмотрел на меня, – «только там я уже был, и ничего не нашел.»

«Не в самом поселке, а около его,» – сделал я невинные глаза, что бы опера не обидеть, – «Я даже знаю, где они ночь провели. И где машину легко спрятать на время.»

«И где это место?»

«А старая кошара недалеко от дороги. Там загон для овец – в него машину спрятать элементарно.»

«Надо туда смотаться и окурки поискать!» – Дока наконец сумел вклиниться в разговор, демонстрируя намерение прямо сейчас и поехать. Но никто его не поддержал, а Михаил даже высказал некоторые сомнения в полезности такого мероприятия:

«Номера на машине могли быть, левые. Тогда и прятаться незачем. А потом снять и закопать в землю, для примера.»

«Евдоким прав (Дока – это только для близких),» – поддержал я единомышленника, – «навестить кашару нужно. Окурки поискать – того, третьего. Даже если только такие окажутся,» – кивнул на пакетик, выложенный напарником на стол, – «то в целом версия подтверждается стопроцентно. И зацепочка появляется – кто-то же в самолете попросил летчиков пару раз над Придорожным газануть?» И добавил еще одно: «А раз машину инкассаторов преступники определили визуально – по крайней мере тот из них, кто подавал сигнал, – то и в Пионерном можно о нем поинтересоваться».

В очередной раз Михаил задумался, а мы с Докой молчали, не мешая ему приводить мысли в порядок. Наконец опер с ними определился:

«Самолетом и кто в нем летел в Мирный, я займусь, может что и выплывет. Кашару завтра проверю, только одному из вас нужно ее показать.»

«Я покажу!» – Дока подпрыгнул на стуле и даже поднял как школьник руку, – «У меня отгул есть, завтра и возьму!»

Михаил повернулся ко мне: «Ты что скажешь?»

«Пусть показывает,» – улыбнулся Доке, с волнением ожидающего моего решения. Тот облегченно вздохнул, а Михаил, наблюдавший всю сложную гамму переживаний, с усмешкой принял окончательное решение:

«Так и быть. Завтра к восьми сюда.»

«Насчет самолета не мешает и в Придорожном пораспрашивать – он же над ним кому-то гудел», – напомнил оперу о еще одном предположении.

«Это само собой,» – Михаил, оказывается, уже наметил план действий, – «Теперь давайте о другом. Разбираться с людьми буду я, вместе с целой бригадой, приехавшей сюда на помощь. А вы геологи, местность знаете лучше всех. Вот и подумайте, куда преступники могли направиться, если они не из местных? Где они деньги могли спрятать?»

По словам опера, обходчик видел двух человек, со стороны асфальта перескочивших железнодорожную насыпь и побежавших через долину в направлении сопки. Которые, как оказалось, уже прочесаны армейскими патрулями. А я и не сомневался, что беглецов там найти не могли, потому что прятаться в тех сопках или бежать еще дальше от железки они не собирались. Сопки мало сказать что пологие – они какие-то обтекаемые, сглаженные, поросшие мелкой выгоревшей травкой. И никаких кустов или развалов камней, где можно при необходимости даже не спрятаться, а только на время исчезнуть из вида. То-есть, просматривались идеально, и преступники конечно об этом знали. И еще одно важное обстоятельство имело место – не было там ни одного родничка, без которого в нашу жару человеку трое суток просто не обойтись – это если преступники в сопках до воскресенья прятались. Вот и получалось, что они как в сопки заскочили, так быстренько из них и выскочили. Может, такой ложный маневр был заранее предусмотрен, ведь с места засады возле ведомственного асфальта железная дорога была как на ладони, вместе с обходчиком, которому возможно специально и подставились.

Ну а если специально подставились, а в сторону Мирного, как опер сказал, их пропустить не могли точно, то в сопках должны сразу же повернуть направо, и бежать вдоль железки. Только куда? Через несколько километров наша старая разведочная шахта, где сейчас никаких работ не ведется, и от нее есть проселок опять таки к железке. А если пробежать еще чуть-чуть – то есть проезд под железкой под мостом, по которому можно проехать и на машине на другую ее сторону, и дальше через долину до областного шоссе, главной местной транспортной артерии.

Вариант попасть на областное шоссе для беглецов заманчив. Потому что дальше вдоль железки километров двести никаких дорог, кроме той, по которой мучаются в пыли рабочие железнодорожники, и никаких поселков, кроме полустанков, где гостей точно ждут злые милиционеры.

Получается, что у преступников один выход: немного пробежав вдоль железки, еще раз ее в долине перескочить, добежать до областного шоссе, до которого ведомственный асфальт и протянут. Но не пытаться уехать на машине – все дороги давно перекрыты – а по сопкам бежать дальше до озера, где можно легко затеряться среди рыбаков и отдыхающих. Конечно, километров двадцать придется попытеть, но по моему убеждению, другого выхода у преступников не было. И пока у меня в голове выстраивалась такая вот, как мне представлялось, логическая цепочка, у Доки подобный процесс завершился быстрее, но, если сказать помягче – в более простом варианте.

«На областное шоссе бандюки вернулись,» – не зря я говорил, что головы у нас работают по сходным программам, – «деньги спрятали и на попутке куда-то рванули!»

«Рванули,» – согласился опер, – «только в воскресенье, через три дня после аварии. А дороги считай по всему району были перекрыли, проверяли документы у всех проезжающих. И где они три дня сидели, что их нигде не видели?»

«На озере сидели, на турбазе или среди рыбаков,» – осторожненько откашлял я свою версию, – «не зря их и пристрелили в том районе».

«А как туда могли попасть, если бежали совсем в другую сторону? И как там их можно было искать? Ты представляешь?» – попытался Михаил оправдаться, – «Когда все в плавках шастают без документов, и камыши рядом, спрятаться проблем нет!»

«Документы еще не все. Интересоваться нужно у работающих на турбазе, кто у них появился вечером в день аварии, и на следующий день утром», – мне казалось, что сейчас я высказал самое умное, посетившее сегодня голову. К удивлению, предложение Михаилу понравилось, потому что он посмотрел на меня, потом на Доку, потом опять на меня и сделал мне комплимент:

«Голова у тебя хорошо варит, придется на турбазе пошерстить.»

Мы еще недолго поговорили, получили предложение подумать, как преступники в сопках бежали и куда направлялись, где могли деньги спрятать. И с Михаилом попрощались, Дока до завтра, а я – как оказалось, на четыре дня.

Уже в кровати, прокручивая в голове разговор с опером, я так и не понял, для чего было преступникам делать крюк, что бы потом вернуться в те же сопки, в которых авария произошла. Было в этом что-то непонятное, но что – ... Морфей отложил возможность ответа до утра.

Часть одиннадцатая

Вторник у нас день особый. Всегда полевой – народ с начала рабочей недели не успел устать, а только размялся; и всегда с хорошей отдачей – разрешаются многие геологические загадки, необъяснимым образом именно во вторник проясняющиеся в голове, даже если ее не особо и напрягаешь. Так что утром пылили на участок в обычном составе, плюс Наташа Луканина, техник-геолог – документировать канавы.

Как всегда, я сидел в кабине ГАЗ-66 рядом с шофером, и любовался красотами окружающего мира, всегда таинственными и постоянно меняющимися в час рождения солнца. Пока мыслей по работе не возникало, зато тревожили некоторые из вчерашних, озвученных на встрече с опером Михаилом: а вдруг все, что я тогда придумал, чушь собачья? Ну не все, а то, что касалось возможного направления движения преступников после подстроенной аварии – и будет Михаил «шерстить» на турбазе без всякой надежды на успех.

Внутренний голос подсказывал, что должен я что-то предпринять, найти хоть слабенький фактик, подтверждающий правоту моей версии. Но где и как найти – это я должен был еще придумать.

Умная мысль пришла в голову, когда впереди показались отвалы пройденных на пяточке канав. Вот тут и решил, что после работы на личном малом внедорожнике – мотоцикле Минск – прокачусь по ведомственному асфальту до железной дороги, сверну налево на проселок вдоль нее, и доберусь до места, где железку, как заметил обходчик, перескочили две подозрительные личности. Попытаюсь в проселочной пыли найти их следы. Конечно, времени прошло много, но дождей не было, пыльной бури тоже не случилось, так что следы должны остаться. И найти их особого труда не доставит – пешком народ в тех местах практически не гуляет, а если кто и прошел – тоже не беда, мне нужны следы поперек проселка, в направлении от железки к сопкам. Ну а дальше просто: спрячу мотоцикл и пойду по пыли вперед. С надеждой, что преступники, сделав в сопках предполагаемый обходной маневр, к ней вернулись и еще раз перескочили, направляясь теперь к областному шоссе, а от него к озеру с людной турбазой на берегу.

Оформившаяся в сознании очередная авантюра, в которой умение разбираться в следах животных и человека, других оставленных ими мелких деталях присутствия, меня успокоила – нашлось дело, и лучше меня вряд ли кто его сделает. А пока работу пора начинать – мы въехали на пяточек.

Владимир посигналил шоферу, попросил остановиться.

«На обед не ждите,» – предупредил, выскочив из салона, и пошагал в сторону. Даже канаву с «березитами» игнорировал! А мы поехали дальше, к отвалам породы – сегодня пришло время и мне в канавах детально поковыряться.

На первой, где Паша выколотил образец чего-то бурого, похожего на «железную шляпу», мы долго не задержались. Мы – это я и Наташа; за мной увязалась в надежде, что прямо в канаве я покажу и объясню все, требующее отражения в журнале документации. Объяснять же было нечего – кроме бурой породы, только зеленые разнотернистые песчаники, и никаких признаков изменения. Ну простота душевная, и настораживало лишь одно: песчаники и бурятина не плавно переходили друг в друга, а имели четкий контакт, словно два чужеродных тела прижаты друг к другу. Тонкая же между ними полоска «глинки трения» намекала, что контакт тектонического происхождения.

Наташе я все объяснил, и мы прошли к канаве следующей, пройденной рядом в десяти метрах.

То-же самое – зеленые песчаники, бурая порода мощностью с метр не больше, четкий контакт между ними, с полоской глинки трения.

«Что-то вы не радуетесь, Юрий Васильевич,» – правильно подметила Наташа, – «наверное золота здесь нет.»

«В каждой канаве находить – делать геологам будет нечего,» – улыбнулся подруге жены, а по совместительству и моей тоже. Но зная про «березиты» вскрыты в следующей канаве, всего в ста пятидесяти метрах от нас, девушку обнадежил: «Впереди есть на что посмотреть. А поковыряешься получше – и «блестку» найдешь, если повезет!» То-есть маленькое вкрапление золота.

«Не обманываете?» – посмотрела на меня подозрительно, – «Или хотите, что бы я побольше камней колотила?»

«Найдешь – станешь первооткрывателем,» – попробовал соблазнить тем, в чем не был уверен, – «Если Паша не опередит – он сегодня с кувалдой там орудует!»

Когда подошли к канаве с «березитами», коллега действительно работал если и не кувалдой, то молотком самого большого размера и веса. Канавщик, очевидно по его требованию, кайлом махал рядом, пытаясь вывернуть глыбу со дна. Оба внимания на нас почти не обратили – оторвались на миг, посмотреть кто пришел мешать, и вновь взялись за дело.

«Не будем отвлекать,» – шепнул удивленной «приемом» Наташе, и мы спустились в канаву.

Вначале она вскрывала знакомые зеленые песчаники, и техник-документатор, узнав их, равнодушно стучала молотком, без воодушевления, которое вызывает интересная порода, чем то на руду намекающая. Дальше песчаники начали светлеть, и Наташа заработала молотком поэнергичней – молодец девка (ой, что это я – красавица!), заметила признаки гидротермального изменения! А еще через пару метров мы вообще остановились – начались настоящие «березиты».

«Здесь уже можно золото искать?» – прочирикала девушка, рассматривая поверхность выколотого камня.

«Можно, но давай пройдем до конца, а потом и выберешь место, если желание останется,» – впереди я уже различал бурые образования нетипичной «железной шляпы», поискать золото и в них не помешало бы.

Дальше пошли втроем – Пашу наконец-то отпустило наваждение, сходное со страстью авантюриста-золотоискателя, и он соизволил удостоить нас присутствием.

«Павел,» – обрадовалась ему Наташа, – «вы хоть одну блесточку нашли?» – ну конечно, надеялась сэкономить время и силы, услышав от геолога отрицательный ответ – тогда и самой искать не нужно. Но Паша не такой, что бы на четкий вопрос рубить правду-матку. «Блестки» – они ведь могут попасть на глаза, а могут и не попасть. Один кучу камней расколет – и бестолку, а другой случайно раз молотком тюкнет – и пожалуйста, вот вам видимое золото. Поэтому ответ был для меня ожидаемый, и не сразу, а после продолжительного обдумывания:

«В «березитах» золото всегда есть. Только времени не хватает, камни колотить. Сегодня он,» – кивнул на работягу, который кайло так и не отложил, – «канаву закончит, вот тогда и поищу.»

Врал Паша – я то видел, как он не только молотком, а и кайлом размахивал. Для него найти «блестку» в канаве, заданной лично, без подсказки и консультации с кем бы то ни было, задачей являлось первоочередной и обязательной, и он конечно золото искал. К сожалению, как я понял из ответа, пока оно в руки не далось.

У Наташи энтузиазм поуменьшился, и больше провокационных вопросов она не задавала, хотя «березиты» пошли просто шикарные, с прожилками кварца, вкрапленностью пирита и других сульфидов. И «железная шляпа» среди них, пусть даже нетипичная, смотрелась не хуже, то-есть остаточные в ней текстуры и структуры подтверждали присутствие в прошлом обязательных для золотосодержащей руды сопутствующих минералов.

«А как Владимир», – поинтересовался невинно и вроде по делу, – «приходил всю эту красоту посмотреть?» – ну должен коллега канаву посетить обязательно. Вместе ведь работаем, вместе радуемся любым успехам каждого.

«Не-а,» – вздохнул Паша, – «он в свои предвидения верит, а не в мою канаву.»

Наташа с удивлением хлопнула глазами, услышав о непонятном для нее «предвидении», а мне стало ясно, что Владимир просто побаивается, что золотишко все же найдется, и не приходит из-за принципа, с надеждой, что «березиты» останутся всего лишь подходящей для золота породой, но в данном случае его не несущей. Редкий случай: геолог – и руды не желает!

– Ну и черт с ним, – подумал про себя, – пусть одному оптимисту слава первооткрывателя достанется. Если, конечно, дело до рудопроявления дойдет. –

Наташа смотрела то на меня, то на Пашу, надеясь понять, что это за «предвидения», и какое они имеют отношения к красивой канаве. Но два мужика объяснять ничего не собирались – все, касающееся Владимира и его связи с космосом, не предназначено для чужих ушей, тем более женских.

Вылезая из кабины машины возле камералки, наблюдал невиданную картину: в нарушении принятых правил, не пропустив единственную женщину, из салона первым молча выскочил хмурый Владимир, и не дождавшись остальных, что делал всегда, тут же побежал в здание. Следующей выпрыгнула улыбающаяся Наташа, а за ней наш заведомый молчун-малахолик, на этот раз с сияющим от удовольствия лицом и что-то тихонько напевающий.

«Они что, в машине подрались?» – поинтересовался у Наташи, на что Паша хмыкнул и отвернулся, а женщина прыснула смехом.

«Подраться не подрались, а ругались как ненормальные!» – покачала головой, как это делается, когда о человеке узнаешь неожиданное, – «Паша убеждал, что рудопроявление нашел, а Владимир кричал, что нет там ничего и не будет!»

Теперь и я не мог сдержать улыбки: конфликт в группе перешел из стадии обсуждения в стадию почти физического давления. Пора это дело прекращать. Только не сегодня, сегодня я должен еще поработать, теперь следопытом.

Часть двенадцатая

К нужному месту добрался без приключений. И с удовольствием убедился, что проселок вдоль железки оправдал надежды: в меру разбит по всей ширине, а не по одной или двум колеям, следы встречались только лисьи и заячьи, при полном отсутствии человеческих. Мотоцикл пристроил за густым кустом тамариска, и для начала забравшись на железнодорожную насыпь, внимательно огляделся. Нашел ведомственный асфальт, по которому к железке подъехал, проследил его через долину, потом дальше по ее краю, где он постепенно отворачивал направо и наконец уходил в сопки. Разглядел знаменитый трамплин, от которого преступники бежали почти к тому месту, где сейчас я стоял. Говорю «почти» – сознательно немного не доехал, что бы точно знать, в каком направлении идти и отпечатки ног беглецов высматривать, с уверенностью, что сзади меня они не остались. Теперь можно этим делом и заняться.

Нашел я следы и легко и быстро. Не пришлось бегать по проселку взад-вперед, до того четко они просматривались ближе к обочинам, хотя в центральной части о них можно было только догадываться по отдельным еле заметным углублениям, оставшимся после машин железнодорожников. Для полной уверенности поднялся еще раз на насыпь, и спустился вниз с противоположной стороны – там тянулся второй проселок, ничем не отличающийся от первого. Не менее легко следы нашлись и на нем, окончательно развеяв остатки сомнений в правильности действий. Еще раз перебрался через насыпь, на первый проселок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.